

Екатерина Логинова

**“ПУТЁВЫЙ”
ЧЕЛОВЕК**

Владимир Георгиевич Губачев

Екатерина Логинова

«ПУТЬ ВЫЙ» ЧЕЛОВЕК

Шадринск
2013

ББК 63.3

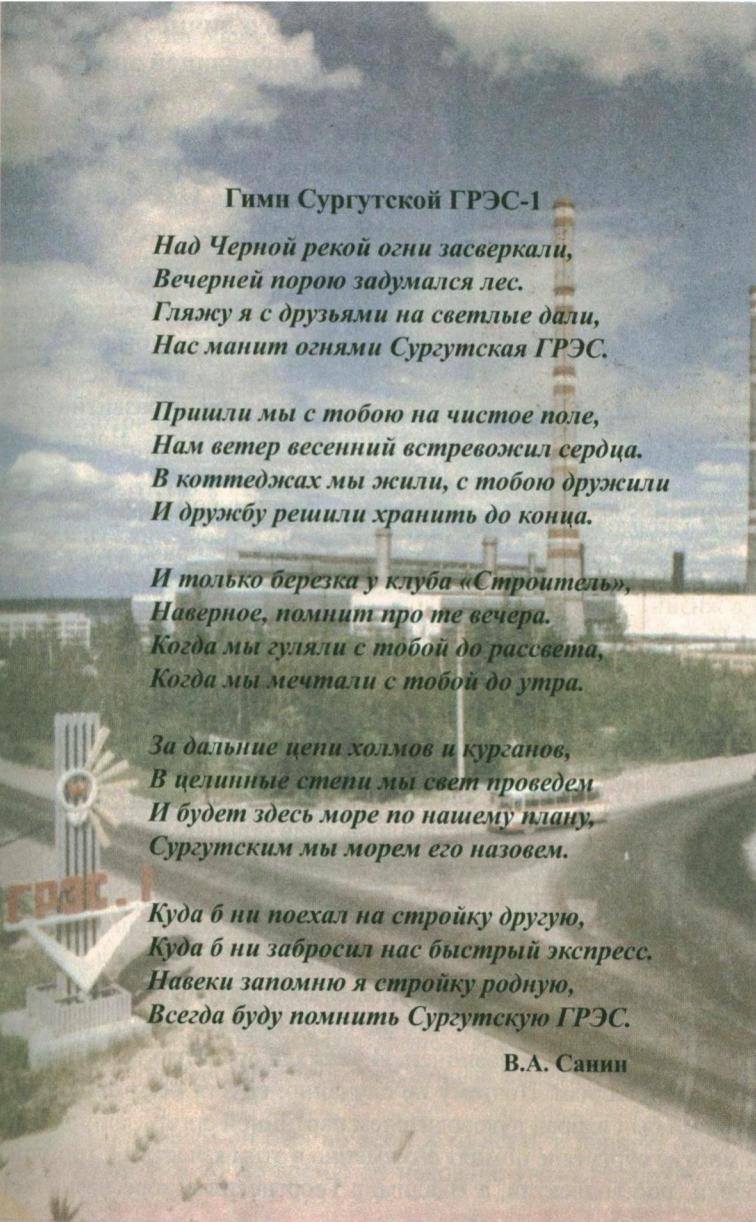
Л 69

Логинова Е. С.

«Путевый» человек. Документальное повествование. – Шадринск: Изд-во ОГУП «Шадринский Дом Печати», 2013. – 124 с.
+ 8 стр. вкл.

ISBN 978-5-7142-1584-1

© Логинова Е. С., 2013

Гимн Сургутской ГРЭС-1

Над Черной рекой огни засверкали,
Вечерней порою задумался лес.
Гляжу я с друзьями на светлые дали,
Нас манят огнями Сургутская ГРЭС.

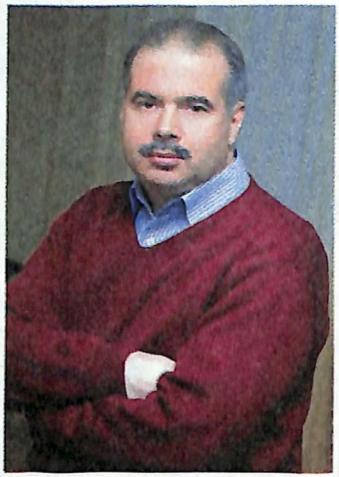
Пришли мы с тобою на чистое поле,
Нам ветер весенний встревожил сердца.
В коттеджах мы жили, с тобою дружили
И дружбу решили хранить до конца.

И только березка у клуба «Строитель»,
Наверное, помнит про те вечера.
Когда мы гуляли с тобой до рассвета,
Когда мы мечтали с тобой до утра.

За дальние цепи холмов и курганов,
В целинные степи мы свет проведем
И будет здесь море по нашему плану,
Сургутским мы морем его назовем.

Куда б ни поехал на стройку другую,
Куда б ни забросил нас быстрый экспресс.
Навеки запомню я стройку родную,
Всегда буду помнить Сургутскую ГРЭС.

В.А. Санин

Слово о личности, олицетворяющей эпоху

Вадим Шувалов, заместитель генерального директора – руководитель Аппарата ОАО «Тюменьэнерго».

Дорогие земляки! Вы открываете книгу, посвященную замечательному человеку, без которого не было бы знакомого нам всем Сургута, человеку эпохи в становлении и развитии отечественной энергетики – Владимиру Георгиевичу Губачеву.

Мне посчастливилось работать с Владимиром Георгиевичем, долгие годы сохранять с ним дружеские отношения. Искренне могу сказать, Губачев стал моим учителем не только в работе, но и в жизни.

Владимир Георгиевич приехал в Среднее Приобье уже с опытом, накопленным в «Свердловэнерго», на Сургутскую ГРЭС пришел начальником цеха централизованного ремонта. Костяк коллектива тогда составляли специалисты Серовской и Верхнетагильской станций. Они прибыли сюда вместе с Василием Григорьевичем Голиковым. Энергостроители в те времена обычно на долго на одном месте не оставались: сдав станцию, переезжали на следующую. Эксплуатационники жили и работали так же.

Понятно, что строительство станции осуществлялось всей мощью машиностроительного и научного комплекса страны, использовался весь человеческий профессиональный потенциал.

В Губачеве очень быстро разглядели характерные черты настоящего руководителя. Он достаточно скоро проявил себя человеком с активной жизненной позицией. И уважали его за это так же, как за профессионализм. Поэтому не случайно, спустя некоторое время Губачев был избран руководителем партийной организации ГРЭС, и многие сургутяне помнят его именно в этом качестве. Строились блоки, рос коллектив, а Владимир Георгиевич вскоре назначает-

ся заместителем директора по административно-хозяйственным и финансовым вопросам. В его компетенции тогда были вопросы и материально-технического снабжения, и транспорт, и вся социальная инфраструктура. Это была колossalная ответственность, ведь по титулу Сургутской ГРЭС-1 строился город. Именно эти годы неразрывно связали Губачева с Сургутом. Тысячам приезжающих сюда специалистов необходимо было обеспечить условия не только для работы, но и для нормальной жизни. Один за другим возникали новые микрорайоны – Энергетиков, 25-й, 32-й и так далее. А еще школы, больницы, котельные. За плановый ввод жилья и объектов соцкультбыта тогда спрашивали не менее строго, чем за своевременный пуск в эксплуатацию энергоблоков. И все это лежало на плечах Владимира Георгиевича.

Несмотря на огромный объем работы, Губачев для всего находил время, вникал во все проблемы, требующие его участия. Коллеги говорят, что к каждому объекту он относился как к ребенку: вынашивал и выхаживал его. Все, кто его знал, отзываются о нем как о профессионале высокого класса и мудром наставнике, который мог найти оптимальное, подчас, нестандартное, решение. В сложных ситуациях он принимал ответственность на себя, в то же время доверяя профессионалам. Разумное сочетание требовательности и лояльности, умение увидеть и услышать рациональное в дискуссиях, знания и опыт – все это привлекало к нему людей. Его особый дар руководителя заключался в том, что он умел в большом объеме информации выделить главное и направить все ресурсы на достижение оптимального результата. Он хорошо видел потенциал человека и распознавал его способности. Сам не боялся делиться опытом и знаниями. Многие его ученики разъехались по энергетическим объектам страны, достойно несут высокую марку сибирских профессионалов.

Владимир Георгиевич жил станцией, для нее и ради нее. Это создавало особое эмоциональное поле, попадая в которое, каждый человек проникался особым состоянием. Я считаю, что под его началом работала, как сейчас говорят, лучшая менеджерская команда страны тех лет.

Требовательным он был во всем и ко всем, в первую очередь к себе самому. В то же время, он искренне уважал своих коллег,

помогал и в профессиональных, и в личных вопросах, горой стоял за свой коллектив. Каждого сотрудника знал в лицо, о каждом мог сказать что-то особенное. Он положил начало многим добрым традициям, заботился о том, чтобы люди работали в атмосфере созидания и доброты.

Владимир Георгиевич никогда не боялся ответственности. На его глазах вершился подвиг людей, которым приходилось и недосыпать, и недоедать во время пусковых операций во имя выполнения поставленной государством задачи. Тогда и в голову никому не могло прийти, что можно найти причины для какой-то задержки, срыва задания.

Владимир Георгиевич умел организовать не только дело в производственной сфере, но и досуг коллектива, поскольку был уверен: люди должны не только хорошо трудиться, но и хорошо отдыхать.

И все-таки в первую очередь Владимир Георгиевич был производственником. В 90-е годы изменения в стране стали для него, как и для всего коллектива ГРЭС, серьезным испытанием. Если раньше главной задачей было строительство, ввод мощностей, повышение объемов, то в новых условиях больше внимания стали уделять экономической составляющей работы станции.

Несмотря на солидный возраст и многолетнюю работу в качестве директора, Владимир Георгиевич не стеснялся учиться. Он вникал в экономику и бухгалтерию, в расчеты и отчеты, разбирался в балансах и налогах. Начинал с самых азов, но поскольку был человеком целеустремленным, то и в этой сфере достиг, я считаю, серьезных успехов. Во всяком случае, работавшие под его началом бухгалтеры и экономисты до сих пор именно эти качества в нем и отмечают, и не верить им нет оснований.

О Владимире Губачеве можно говорить долго. На страницах этой книги приведено много интересных фактов и ярких эпизодов из его биографии. Предлагаю читателям повнимательнее всмотреться в жизнь этого замечательного человека, приобщиться к духу великого дела – становлению энергетики Западной Сибири, строительства Сургута.

Сергей Бахметов, директор по строительству «ТЭК Мосэнерго».

Губачев – безусловно, масштабная личность. Среди моих знакомых, знавших Владимира Георгиевича, нет ни одного, кто бы не сложил в своем сознании цельного и устоявшегося впечатления об этом человеке.

Говорить о нем легко и трудно. Легко, потому что лично знал его многие годы. Ведь я приехал в Сургут в октябре 1980-го года молодым специалистом после окончания Уральского политехнического института. Начал работать на ГРЭС машинистом-обходчиком по турбинам во втором котлотурбинном цехе, а закончил в 2000-ом главным инженером станции. Все эти годы мы тесно и плодотворно трудились рядом. Не без его рекомендации меня назначили директором ГРЭС-2, а с января 2007-го года – стал заместителем генерального директора ОГК-4, в состав которой вошла станция при реорганизации РАО «ЕЭС России».

А трудно потому, что воспоминания молодости всегда волнительны. Поэтому рассказывать о Владимире Георгиевиче все равно, что вновь прожить и пережить годы нашей совместной работы – яркие, напряженные, переполненные событиями, насыщенные множеством встреч с важными государственными деятелями могущественной державы. Я имею ввиду, Советский Союз, так как строительством обеих сургутских станций занималась вся страна. И все, что было сделано за короткий исторический срок, впоследствии назовут подвигом. Хотя никто из нас тогда не думал о собственном героизме. Просто приезжали, строили и осваивали энергетические мощности в тяжелейших климатических условиях севера Западной Сибири.

Владимир Георгиевич был человеком высочайшей ответственности! Какое бы дело ему ни поручали, он всегда выполнял его основательно. И не важно, было ли оно государственной важности или бытового характера, касалось ли организации отдыха людей или оказания помощи подсобному хозяйству, ремонта детских садов, школ или строительства Дворца культуры «Энергетик». В этом, на мой взгляд, весь Губачев, для него не было неважных дел, не было второстепенных людей!

Владимиру Георгиевичу было свойственно то, что дано очень немногим: в каждом деле уметь находить главное, постоянно работать над собой, расширять свой кругозор, знания, которые необходимы для качественного выполнения поставленных задач.

Характерный случай. Во время перестройки стало модным избирать начальников подразделений. Несмотря на то, что делалось это по рекомендации, спущенной с «самых верхов», со свойственной ему рассудительностью Губачев отказался от такой практики. И убедил весь коллектив: «Подобные выборы при «живом» начальнике – это дурь!» Поэтому на ГРЭС-1 руководителей выбирали только тогда, когда возникала вакансия на конкретную должность. Считаю такую позицию директора совершенно верной. К тому же, время доказало его правоту. Очень скоро вся страна отказалась от выборов руководителей предприятий.

Владимир Георгиевич был прекрасным организатором. Чутко реагировал на нужды людей, но оставался требовательным относительно всего, что касалось обеспечения надежности снабжения электроэнергией нефтяных промыслов. Он сумел сформировать монолитный коллектив единомышленников, поставить перед ним высокие цели и обеспечивать, как руководитель, их реализацию. Естественно, фундамент наших достижений во многом базировался на огромной работе по воспитанию и обучению кадров.

Безусловно, многие сургутские энергетики помнят меткие, краткие характеристики, данные Губачевым при случае каждому члену коллектива. Буквально в нескольких энергичных и ёмких фразах Владимир Георгиевич умел точно отразить суть того или другого человека. В них никогда не сквозило привычных для тех времен штампов. Всегда с искренней теплотой он был способен

отражать достижения специалиста, говорил слова благодарности и обязательноставил задачу на будущее.

Выдать какую-то оценку Владимиру Георгиевичу Губачеву, как личности, невозможно. Оценку таким людям дает история. А история энергетики Западной Сибири – жемчужины энергетики сегодняшней России – была творима очень непростыми, неординарными людьми. В этой когорте и Губачев.

Лично я глубоко благодарен судьбе за то, что она свела меня с этим могучим человеком. За все добро, которое он для меня сделал. Уверен, очень многие, как и я, могут сказать, что Владимир Георгиевич Губачев дал ему нужное направление в жизни.

«ПУТЬВЫЙ» ЧЕЛОВЕК

Мгновение признания

Сургутская ГРЭС-1

ту этих замечательных людей пополнил еще один Человек с большой буквы – Владимир Георгиевич Губачев.

Символично, что произошло это принародно – в День города, когда торжественно открывали памятник основателям Сургута, четыреста с лишним лет назад заложившим первые домики крепости будущего форпоста Западной Сибири. И еще одна символика: памятник этот установлен не только в честь его основателей, но и в честь тех, кто впоследствии построил настоящий город и создал все, чем сегодня гордится каждый сургутянин.

Говорят, каждый город имеет свое лицо. Сургут – помимо красоты и благоустроенности, обладает и собственным характером, который заложили в нем живущие здесь геологи, нефтяники, строители, газовики, энергетики... От многих других городов его отличают еще и целеустремленность, нежелание останавливаться на достигнутом, растить и преумножать славу, воспитывать достойных людей. Не случайно именно здесь впервые в округе родилась традиция присваивать звание «Почетный гражданин города Сургута» самым лучшим его представителям. В 2002-ом году когор-

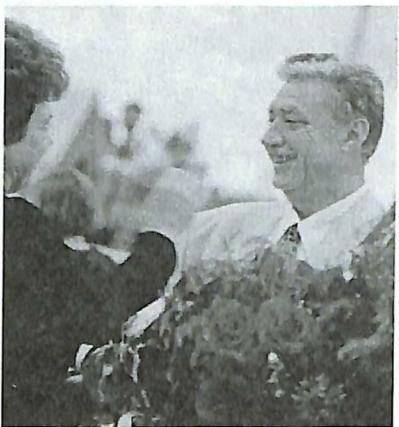
– В 2002-ом году Сургутская ГРЭС-1 отметила свой 30-тилетний юбилей, – повествует собравшимся на площади голос ведущего. – Это были годы побед и свершений, закаливших немало достойных людей. Среди них – Владимир Георгиевич Губачев. Более 20 лет он возглавлял коллектив Сургутской ГРЭС-1. Человек он не простой. Привык обо всем думать и за все нести ответственность сам, а не просто механически исполнять исходящие сверху решения. Сколько раз он шел наперекор рутине и побеждал! Сколько требовалось терпения, чтобы продолжить начатое дело! Владимир Георгиевич – человек, который не шел на поводу у эмоций, а руководствовался здравым смыслом, опытом и разумом!

Толпа одобрительно загудела, захлопала. На сцене появились мэр города Александр Сидоров, советник директора ГРЭС-1 Владимир Губачев и депутат городской думы Дмитрий Попов, нынешний глава города. Зчитывается постановление о присвоении почетного звания, Владимиру Георгиевичу вручают документы, знаки Почета, памятную ленту и цветы. Он смущен и растроган. В голубых глазах – слезы. Но портрет героя не завершен. Еще некоторые штрихи к нему добавляет Александр Сидоров.

– Разрешите мне от имени всех жителей Сургута поздравить этого замечательного человека! Человека-легенду, который с первого колышка работал на ГРЭС-1, с первого колышка принимал участие в строительстве ГРЭС-2, вывел ее на эксплуатационную мощность и бесперебойную, четкую работу. А обе эти станции под его руководством многие и многие годы давали и дают свет и тепло нашему городу, снабжают электроэнергией Западную Сибирь.

И снова гул aplодисментов над площадью. У микрофона Почетный гражданин Сургута – Владимир Губачев. Речь его кратка, эмоциональна, исполнена искренности.

– Очень тронут оказанным вниманием мне, а в моем лице большой армии энергетиков. Низкий поклон вам и большая признательность всем этим красивым, умным и талантливым людям, которые живут в таком прекрасном городе! Городе студентов, спортсменов, толковых и трудолюбивых людей!

Губачев принимает
поздравления

Из досье В. Г. Губачева:

Владимир Георгиевич Губачев родился 17 августа 1939 года в селе Шарлык Шарлыкского района Оренбургской области. Трудовой путь начал в пятнадцать лет монтером Конторы связи Белозерского района Чкаловской области Министерства связи СССР. Затем работал подсобным рабочим Комбината производственных предприятий Строительного треста № 23 города Оренбурга, Совета народного хозяйства Оренбургского экономического административного района.

Глава первая. ЕГО ХВАТАЛО НА ВСЕ...

Из рассказа жены Елизаветы Александровны:

— Его родители, Георгий Фирсович Губачев и Анна Ефимовна Пермякова, техники-строители по образованию. Отец строил автомобильные дороги, мать — во второй половине её судьбы работала не по специальности — лифтером на угольной шахте в г. Копейск. Рано расставшись с мужем, она воспитывала сыновей — Георгия и Владимира — практически одна. Разговоры об этом в семье не культивировались.

Отчим Георгий Фирсович с внучкой
Ириной от старшего брата Георгия

Детство Володи было

нелегким. Послевоенная пора – она многих научила приспосабливаться к жизни. Когда был маленьким, ходил по баракам, где жили заводчане и показывал диафильмы людям, прикованным болезнью к постели. Бараки – это такие каркасные длинные строения, с широким коридором, с двух сторон которого расположены комнаты. В каждой из них размещалось по одной семье. Туалет – на улице, кухня – общая. В таком бараке он и вырос.

Когда приходил, кто-нибудь из взрослых натягивал на стену простынь, и Володя показывал диафильмы. Конечно, смотрели их не только больные, но и другие жильцы барака. Узнав об этом, я, может быть, впервые поняла, что мой муж – из тех, кто с детства привык жить с людьми и для людей.

Сложные, некомфортные условия, видимо, повлияли на формирование его характера, чуткое, трогательное, внимательное отношение к людям.

Школу Володя окончил в Копейске.

Справка о первом адресе судьбы:

Копейск основан на месте поселка Тугайкуль, первое упоминание о котором датируется 24 апреля 1810 года, а история его основания восходит к 1736 году, когда была построена крепость Челяба, ставшая в дальнейшем городом Челябинск. В 1907 году здесь открылась первая угольная шахта «Екатерина», названная в честь женщины предпринимателя И.Н. Ашанина, который купил право аренды угленосных участков вблизи поселка и основал здесь «Екатерининские каменноугольные копи товарищества И.Н. Ашанин и К°».

Мать Анна Ефимовна с внучками

1958–1963 гг. – учеба в Уральском политехническом институте имени С.М. Кирова.

От первого шага

– В 1958 году Владимир поступил в Уральский политехнический институт (УПИ) им. Сергея Мироновича Кирова на энергетический факультет по специальности «Теплоэнергетические установки электрических станций», квалификация «инженер-теплоэнергетик». Этот вуз был тогда третьим в России по значимости после МГУ и Ленинградского политехнического института. Во время нашей учебы рядом с УПИ находились пятиэтажные кирпичные дома, а на самом здании красовалась надпись: «Расправил крылья для полета родной на веки институт» – это слова из гимна уральских студентов.

Слева располагался радиокорпус, металлургический факультет, справа – еще один корпус, как продолжение физтеха и суворовское училище. В годы нашего студенчества общежития находились тут же, рядом.

В институте тогда было много высокообразованных педагогов. Нашу группу курировал князь Жевахов, он свободно владел некоторыми языками, очень много времени уделял студентам. Пытался научить нас говорить по-французски. По глупости многие

несерьезно относились к углубленному знанию языков, к тому же, в наши годы это не приветствовалось. Жевахов преподавал «тепловые электростанции», жил в общежитии, как студент, занимая одну комнатку.

Знания по турбинам тоже преподавал человек из высшего света. Я

Военные сборы однокурсников. 1963 год

хочу подчеркнуть, что преподавательский состав был очень грамотным, образованным. Студентам было чему научиться у представителей бывшего дворянства. Наверное, поэтому выходили из стен нашей Альма-Матер специалистами высокого уровня. Наши ребята, где бы ни работали, в том числе и за рубежом, пользовались большим успехом, их уважали и ценили. Люди тогда стремились к знаниям, а не только к получению заветного диплома о высшем образовании.

Мы были молодыми, и все было прекрасно. Учился Володя всегда легко. И в школе и в институте был на хорошем счету. В тот год, когда мы поступали в вуз, впервые принимали производственников. Тех, кто имел аттестаты зрелости с отличными оценками, принимали без экзаменов, остальным пришлось предстать перед очи экзаменацкой комиссии. Володя экзамены не сдавал. В нашей группе было всего 10 школьников, остальные – производственники.

У него рано проявилась активная жизненная позиция. В деканате это поняли, видимо, по характеристике, поэтому сразу назначили старостой группы. А к концу первого курса он уже был председателем студенческого Совета энергетического факультета. Это очень ответственная общественная должность. В его обязанности входила организация культурных и спортивных мероприятий, формирование дружин по разгрузке вагонов на складах железнодорожной станции. Ведь практически большинство студентов – были люди взрослые, семейные. Им необходимо было содержать молодых жен и маленьких детей, потому по ночам приходилось разгружать вагоны на товарных станциях. Таким образом, ребята могли зарабатывать деньги и помогать семьям.

*На военных сборах.
В.Г. Губачев первый слева*

Поездка в Ленинград
с однокурсницей.
Елизавета Александровна
слева. 1963 год

Буквально с первого курса Владимир стал авторитетным человеком в институте. Его слушали беспрекословно. Жил он в общежитии энергофака. Как председатель студсовета, расселял студентов по комнатам, распределял дежурство по корпусу, организовывал банные дни, регулярно собирая на утреннюю зарядку живущих в общежитии.

Вместе с ним члены студсовета следили за соблюдением правил, за дисциплиной, организовывали культурный отдых и спортивные состязания.

Как-то мы с девчонками ходили в театр (я на Уралмаше жила, это далековато

от центра, и поздними вечерами трамваи не всегда туда ходили), пришлось идти ночевать к подружкам в общежитие. Слыши, утром идет по коридору председатель студсовета Володя Губачев, за ним – баянист, и всех призывают на зарядку. Студенты его слушались, беспрекословно выходили во двор на площадку, не насильно, а с удовольствием занимались физкультурой. Вечерами – бардовские песни у костра, вокруг которого студенты собирались со всех корпусов. Им почему-то разрешали и костры жечь рядом с общежитиями и песни до ночи слушать. У меня были приятельницы, которые даже с Уралмаша ездили к костру во втуз-городок.

Тогда имя Владимира Губачева не сходило с уст. Ведь он решал все хозяйственные вопросы по общежитию, как председатель, вместе с членами студсовета организовывал субботники, праздники. От него многое зависело. Например, те же дежурства на складах. Ведь именно он определял, кто, где и в какое время будет разгружать вагоны. Студенты слушали его, никогда не возражали, все происходило без скандалов, эксцессов, совершенно по-доброму. Он действительно был очень уважаемым человеком как среди своих сокурсников, так и среди преподавательского состава института.

...Володя очень любил людей. Будучи организатором в инсти-

Группа выпускников

туте, он всех знал по именам и фамилиям, интересовался историями их жизни, быта, семейными проблемами. Его очень любили. Очень любили! К тому же, он был обаятельным человеком. Все у него получалось органично.

Ходили мы походами...

— Несмотря на то, что учились мы с Володей в одной группе, подружились лишь после защиты дипломов. До этого все пять лет наши отношения оставались ровными, обычновенными, как со всеми одногруппниками. Он занимался общественной работой, я — старалась хорошо учиться. Закончили институт, получили дипломы. Тут я узнала, что Губачев собирает группу ребят в турпоход на реку Тельпос. Они постоянно ходили по уральским маршрутам. Впервые решилась пойти в последний студенческий поход и я.

Путешествие длилось целый месяц. Мы шли по безлюдным, совершенно диким, но восхитительно прекрасным местам. Без-

Поход. 1963 год.

границность тайги, её величественное спокойствие, неповторимая многоликость и красота создавали особое настроение, состояние души. А многодневные переходы, ночи в глухой тайге, комариная настырность заставляли напрячь все свои физические возможности, чтобы не показаться слабой. Я старалась...

В походе ребята и девчата дежурили по кухне (график составил Владимир). Все было четко отрегулировано. Там для меня еще раз проявились его яркие организаторские способности. Я имела возможность неоднократно убедиться в том, как он великолепно готовит. Причем, одинаково качественно и вкусно, как первые, так и вторые блюда. Иногда мог нарушить график дежурств, проявив личную инициативу: «Сегодня готовлю я!». И готовил! В больших количествах на огромную студенческую семью, которая образовалась во время нашего трудного, но такого захватывающего похода. Даже средний уровень не походил к оценке ни одного его блюда. Все делал в высшей степени – на «отлично», великолепно!

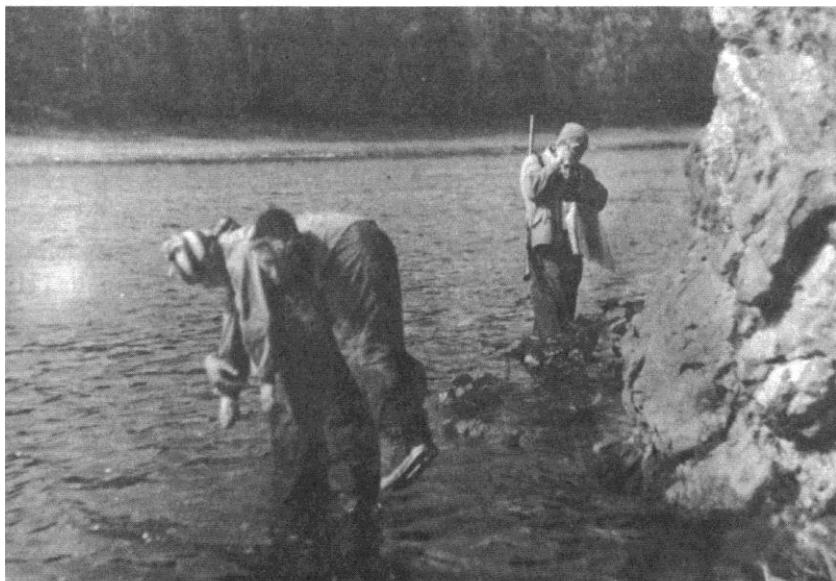
Впоследствии в нашей совместной жизни единственное, в чем я ему помогала – это готовить тесто, а начинку он делал только сам. Всегда! Вплоть до пирогов.

Для меня были неожиданными и приятными ранние проявления его прекрасных организаторских способностей. Он умел сказать

так, что возражений не возникало. Командовал? Может быть... Но подчинялись ему все, без напряжения и обид.

Я и раньше знала, что Володя хорошо пел и играл на гитаре. Но в походе это воспринималось как-то по-особенному. Романтично, весело, интересно. Впоследствии, где бы мы ни появлялись в компании, он всегда был в центре внимания. А между тем, ни его мать, ни отец не пели, никто из родственников не играл на музыкальных инструментах. А у него был прекрасный голос, хороший слух. Думаю, все свои навыки в этом направлении он приобрел в студенческие годы, во время походов. В нашем институте вообще многие ребята играли на гитарах, баянах, и практическим все – пели.

...Честно признаться, раньше я не испытывала к нему особых чувств. Мне казалось, что и он – тоже. Да, приятно было общаться, но... не более того. Хотя... в походе я была самой маленькой девушкой. Поэтому через все реки Володя таскал меня на загривке. Позже я поняла: как села тогда ему на шею, так и не слезла... (смеется).

Переход через реку. Владимир Губачев несет Елизавету. 1963 год

О любви

— Ухаживать за девушками Володя умел. Он так оригинально предложил мне руку и сердце, что отказать было невозможно. Представьте, центр Свердловска, улица Ленина, толпы людей! А он встал передо мной на одно колено и объяснился в любви... Все предстало в другом свете! Произошло это после похода. К тому времени меня уже распределили в Нижний Тагил, а его — в Серов. Мы разъехались, но выходить замуж я не спешила. Так он каждые выходные приезжал в Нижний Тагил. Я там жила не в самом городе, а в маленьком поселочке, недалеко от металлургического комбината, где работала.

Сейчас трудно себе представить положение, в котором мы тогда оказались. Ведь в бараке, где я жила, в комнате находилось сорок девчат! Молодые, здоровые, красивые, работающие... Мужчинам туда заходить не полагалось. Поэтому мы гуляли по березовой роще, слушали пение птиц, любовались удивительной уральской природой, делились впечатлениями о производстве. Не могли напомниться! Но... приткнуться-то негде было!

Отношения развивались, чувства крепли, быстро переросли в любовь. Мы поняли, что не можем жить друг без друга. Решили: нужно пожениться и переехать куда-то в одно место: либо ко мне, либо к нему. Выбрали Серов. Назначили свадьбу, а золотых колец нет. Конечно, в то время не все имели обручальные кольца. Их просто негде было достать.

Однажды, возвращаясь с работы, зашла в магазин и увидела кольца. Звоню Володе, сообщаю. А он такой смешной... говорит:

— У тебя деньги есть?

— Есть...

— Купи!

— Так, мужчина должен покупать кольца! — говорю растерянно.

Портрет молодой
Елизаветы Губачевой

– Ну, пожалуйста, купи, а то мы без колец останемся! – настоял он.

Пришлось согласиться... Купила.

Вскоре мы поженились. Произошло это 23 ноября 1963 года. Свадьба состоялась в Свердловске 7 декабря. Гулял весь факультет! Собралось человек сорок, если не больше. Пришли выпускники с разных факультетов. Многих я увидела впервые. В кафе – теснота, даже места для танцев не оказалось – столько собралось ребят и девчат. И тут я в который раз убедилась, что все к нему очень хорошо относятся! Его любили, честное слово! Вокруг Володи постоянно крутились люди, и его на всех хватало. Меня именно это поражало: его хватало – на всех!

Из досье В. Г. Губачева:

1963–1967 гг. – работал стажером мастера, мастером по ремонту сосудов и трубопроводов турбинного цеха Серовской ГРЭС, мастером по ремонту сосудов и трубопроводов турбинного цеха ремонтного участка Производственного ремонтного предприятия Серовской ГРЭС, старшим мастером цеха тепловой автоматики и измерений Серовской ГРЭС РЭУ «Свердловэнерго» Главуралэнерго Минэнерго СССР.

1967–1970 гг. – переводится заместителем начальника участка Производственного ремонтного предприятия Серовской ГРЭС по котельному цеху Свердловэнергоремонта Свердловэнерго Главуралэнерго Минэнерго СССР.

С 1970 по 1972 годы – работает заместителем начальника цеха централизованного ремонта Рефтинской ГРЭС Свердловэнергоремонта Свердловэнерго Главуралэнерго Минэнерго СССР.

Годы проверки на прочность

Начинал он свою производственную деятельность на Серовской ГРЭС слесарем по ремонту турбин и котлов. Там была хорошая традиция: молодых специалистов «пропускали» по всем рабочим местам станции. Например, по насосам. Пока недавний студент не отремонтирует самостоятельно насос, его не аттестуют. Губачев, как и предыдущие выпускники вузов, прошел все ступеньки про-

фессиональной карьерной лестницы, по каждому рабочему месту сдал экзамен, и только после их успешной защиты ему присвоили звание инженера. Сразу поставили мастером. Сейчас такого отбора специалистов нет...

На станции Владимир возглавлял комсомольскую организацию. Секретарем его избрали практически сразу после прохождения аттестации.

В Серов мы переехали в 1963 году. Я стала работать на ГРЭС в цехе ТАИ (тепловая автоматика и измерения). Конечно, по сравнению с современными компьютерами это довольно низкий уровень автоматизации, но тогда наш цех считался передовым, современно по тогдашним меркам оборудованным. И мы немножко гордились своим привилегированным положением.

Я тоже проходила по рабочим ступенькам под контролем мастера-наставника: отревизировала датчик, сдала госповерителю. Госповеритель – это человек, который принимает отремонтированные приборы, имеет право считать прибор поверенным и ставит клеймо госповерки. Это не мастер, не слесарь, находится на несколько отстраненной от всех позиций. Работая непосредственно в цехе, он подчиняется лишь старшему мастеру, а не тем мастерам, у которых принимает продукцию. Человек, занимающий должность госповерителя, полностью осуществляет контроль качества и отвечает за исправность приборов, которые он принимает. В зависимости от номенклатуры приборов определяется количество поверителей, которые работают на станции: два – на маленькой станции, три – на большой.

Госповерка существует и сейчас. В соответствии с наличием тех приборов, которые используются на станции.

В Серове мы получили одну комнату в четырехкомнатной квартире. Она была маленькая, но наша. Сосед дядя Ваня подарил на новоселье табуретку – длинную, с дыркой, скамейку. Эта скамейка у нас была до тех пор, пока мы жили в предстанционном поселке.

О бытовых условиях я вскоре написала своей подруге в Свердловск:

«...Нам дали комнату. Такая большая и пустая. В углу – ворох книг. Стол из чемоданов, лавка с дыркой и колхозная кровать (выписали из жилищно-бытового отдела). На стене гитара. Вот и все.

Но это – ерунда. Меня это совсем не волнует. Плохо другое. Скучно здесь до ужаса. Володька тоже рвется из дома к ребятам. Он уже привык вечно с людьми, он легко со всеми сходится. А мне хуже. Хотя люди здесь хорошие, добрые, чуткие. Но не могу я найти с ними общего языка. Живут они каким-то своим миром, который я никак не могу постичь. Но ничего, на новом месте поначалу всегда трудно».

Вскоре родилась Наташенька. Когда ей исполнилось годика полтора, нам дали однокомнатную квартиру в поселке. А вообще предстанционный поселок состоял всего из десятка домов. Там жили в основном те, кто работал в охране, обслуживал цеха.

Владимир очень быстро поднимался по служебной лестнице. Через полтора года стал освобожденным секретарем комсомольской организации. Через год – мастером, старшим мастером.

Затем переехали на Рефтинскую ГРЭС. Это была современная блочная электростанция под Асбестом, довольно мощная, 300 мегаватт один блок (а на Серовской ГРЭС блоки были мощностью по 50 и 100 мегаватт). Дело в том, что все наши друзья к тому времени переехали на Рефту. Они знали Володю еще по институту, поэтому позвали с собой, мы согласились. К тому же на Рефтинской станции нам, молодым специалистам, было интереснее работать.

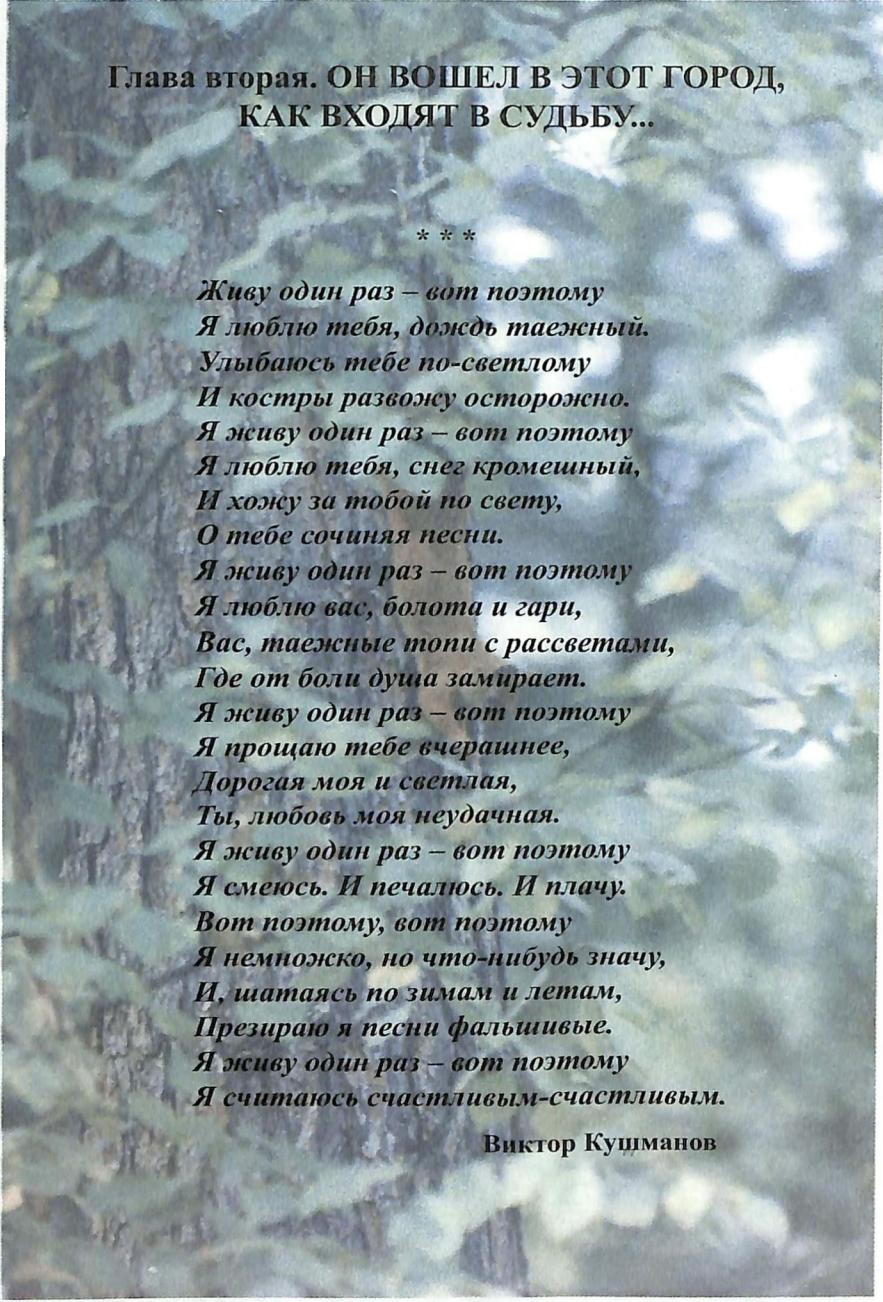
Сразу дали трехкомнатную квартиру. Мы забрали туда моих родителей. Володя работал заместителем начальника ремонтного цеха по котлам.

Котлы раз в пять были выше серовских. Оборудование сложное, большое. Он постоянно пропадал на работе.

В Рефте родилась вторая дочка – Оксаночка...

Супруги с дочерью Натальей

Глава вторая. ОН ВОШЕЛ В ЭТОТ ГОРОД, КАК ВХОДЯТ В СУДЬБУ...

* * *

*Живу один раз – вот поэту
Я люблю тебя, дождь таежный.
Улыбаюсь тебе по-светлому
И костры развозжу осторожно.
Я живу один раз – вот поэту
Я люблю тебя, снег кромешный,
И хожу за тобой по свету,
О тебе сочиняя песни.
Я живу один раз – вот поэту
Я люблю вас, болота и гари,
Вас, таежные топи с рассветами,
Где от боли душа замирает.
Я живу один раз – вот поэту
Я прощаю тебе вчерашнее,
Дорогая моя и светлая,
Ты, любовь моя неудачная.
Я живу один раз – вот поэту
Я смеюсь. И печалюсь. И плачу.
Вот поэту, вот поэту
Я немножко, но что-нибудь значу,
И, шатаясь по зимам и летам,
Презираю я песни фальшивые.
Я живу один раз – вот поэту
Я считаюсь счастливым-счастливым.*

Виктор Кущманов

В 1972 г. переводится на Сургутскую ГРЭС начальником цеха централизованного ремонта.

Совсем другая история...

С высот сегодняшнего дня то, что являла собой электроэнергетика Сургутского региона до 1960 года, трудно назвать таковой: дизельные электростанции, несколько энергопоездов суммарной мощностью около 40 мегаватт. Вот и вся энергетика. Между тем, разворот событий, которыми изобиловала в те годы складывающаяся здесь ситуация, требовал неизмеримо большего. Сама жизнь заставляла искать пути к промышленной энергетике. И в качественном, и в количественном отношении. Причем, эти требования высказывали представители весьма компетентных инстанций предельно конкретно и не двусмысленно. Они требовали столь же конкретных действий.

Совсем другая жизнь *Зарубки на полотне памяти*

Июнь 1964 года. Специалисты института «Гипротюменнефтегаз» во всеуслышание сообщили о своих смелых прогнозах по поводу ближайшего будущего и перспектив их развития промышленного потенциала Западно-Сибирского региона. Смыл сводился к тому, что уже к 1980 году уровень добычи нефти здесь может составить 300–400 миллионов тонн.

Что это означало? Многое. Но, прежде всего, максимальное повышение энергетических нагрузок. Ибо с имеющимся на тот период потенциалом решить поставленную задачу было просто невозможно. Электрические нагрузки на территории должны были составить 2700–2800 мегаватт. На сургутском направлении – до 1300.

15 декабря 1965 года. Минэнерго поручает УралТЭПу подготовить технический проект под строительство будущей станции мощностью 1200 мегаватт.

Май 1966 года. После длительного обследования обширной

территории, после кропотливейшего изучения всех данных, собранных в ходе комплексного анализа ситуации, после затяжных споров и дискуссий Государственная комиссия выбрала населенный пункт, где должна была «сесть» будущая станция особого назначения – Сургут. Спустя еще некоторое время определилась и конкретная точка приложения сил – в четырех километрах от Оби, правый берег речки Черной.

Трудный выбор сделан... Начинался не менее ответственный этап – обосновать, отстоять, защитить в инстанциях самого разного уровня (в том числе и самого высшего) его правомерность и жизненность.

Тем временем геологи открывали в пределах Среднего Приобья одно месторождение за другим. Все решительнее разворачивались в своих делах эксплуатационные предприятия нефтяников. Разворачивались и... буквально задыхались от недостатка энергии. Следовало срочно ускорить работы по строительству станции! Но... Там, в Москве, еще думали, спорили, искали...

Это сейчас просто судить. А тогда – малейшая ошибка могла привести к катастрофе. Поэтому мера ответственности за дело, которому предстояло здесь свершиться, была слишком высока, а финансовые и материальные затраты слишком огромны. При широкомасштабном строительстве в советской России тех лет, правомерным ли было снять деньги с других, не менее важных статей расхода и бросить сюда, прямо на берег речки Черной. Ошибки не должно быть. И все-таки неминуемое свершилось.

Зарубки на полотне памяти

Год 1968-ой. Совет Министров страны выдал долгожданное «да», чтобы начать строительство ГРЭС в районе Сургута и специального жилого поселка для тех, кто будет вести эти работы, а потом и эксплуатировать станцию.

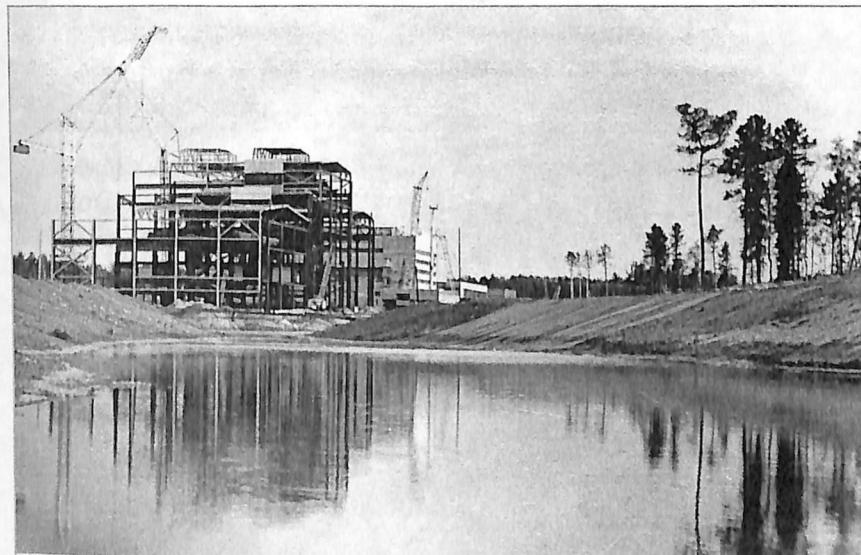
В феврале того же года сформирован десант энергостроителей. В нем всего – 13 человек. Символическая цифра – из области предрассудков. Но как же решительно перечеркнула сама жизнь

заложенное в этой цифре не очень обнадеживающее начало! Какая яркая и счастливая явь проросла в итоге на той почве, которую десятилетия назад начинали обживать первые тринацать!

5 марта 1969 года. Из приказа Министерства энергетики и электрификации СССР: «Организовать управление строительства Сургутской ГРЭС на хозяйственном расчете и самостоятельном балансе, с местонахождением в городе Сургуте».

4 февраля 1972 года. Приказом Минэнерго СССР № 18а образовано энергетическое предприятие – Сургутская ГРЭС.

Итак, большая стройка начала свой разворот, но... надежных дорог еще нет. Их надо проложить. Кадров не хватает – их надо найти, научить, воспитать. Нет жилья, детских садов, школ, магазинов – все это еще предстоит построить. Конечно же, не отвлекаясь от решения главной задачи: создать надежный энергетический комплекс в районе Сургута, чтобы, и в самом деле, разбудить, расколдовать дремлющие недра Западной Сибири, отдать ее богатства людям.

Монтаж корпуса под первый энергоблок.

В тот же год на Марыниной горе начались работы. Стройка была объявлена Всесоюзной ударной комсомольской. Со всех концов огромной страны потянулась в Сургут молодежь. Небывалый трудовой подъем (это не просто красивые слова, он действительно был небывалым), энтузиазм советских людей сделали невозможное. Через три года под электрическую нагрузку был поставлен первый блок пуско-резервной ТЭЦ.

Через 35 лет в своих записках Владимир Георгиевич Губачев напишет:

«Непроходимые болота, вековая глухомань, Марынин гора, речка Черная, Сургут. Здесь будет построена Сургутская ГРЭС. В конце 1971 года коллектив электростанции насчитывал 199 человек, энергостроителей – пять тысяч!»

Не по этапу...

В 1971-ом году по зеленым улицам небольшого черемухового городка под названием Сургут шел высокий, стройный человек. Ничего удивительного в этом не было. В то время много незнакомого люда здесь появлялось. Но внимание к нему привлекала стопка связанных книг и каска, которую он привез с собой с прежнего места работы – Рефтинской ГРЭС.

Таким Владимир Губачев
приехал в Сургут

В общежитии, куда поселили нового специалиста, к нему отнеслись настороженно: «Видимо, профессор, – подумали. – Надолго ли?». А Владимир Георгиевич Губачев тогда и сам не знал, сколько прождет в этом неуютном городе, где и дорог нет, маленькие домишкы кругом, в основном балки да вагончики. Множество нахальных собак, норовящих запрыгнуть в кузов грузовой машины, которыми доставляли рабочих на строящуюся станцию. Городок, где еще сохранились деревянная каланча и конюшни для самого надежного – гужевого транспорта... Ну, а про гнус вообще слов не было для выра-

жения его количества. Сказать «Гучи!» – почти ничего не сказать. Приходилось прикрывать тарелку, чтобы комары не стали дополнительной приправой к блюду.

Елизавета Александровна вспоминает:

«Шел 1972-й год. Володю ожидала очень интересная работа. Станцию только начинали строить. Когда я с дочками приехала, стоял мороз в 50 градусов. Нам дали квартиру на пятом этаже, но она была совершенно непригодной для жилья: крыша протекала, стены покрыты толстым слоем льда. Квартира угловая, холодно! А у меня второй дочери еще и года не было...»

Многие, не выдержав северных условий, отправлялись воссоявшись на «большую землю». Тогда в обиходе было самое распространенное понятие о приезжих – «временщик». Это потом появилась песня со словами: «Приехали на год, остались – навсегда».

Хотя даже не эти, казалось, выше крыши сложности – жилье, питание, транспорт – были самыми трудными. На повестке дня стояли задачи куда более важные: создать коллектив единомышленников. Предстояло сплотить людей 74-х национальностей, приехавших из разных уголков страны с различными целями: кто за длинным рублем, кто за романтикой, кто по направлению партии или комсомола. Нужна была общая для всех идея. И этой идеей стал призыв: «Даешь Родине электроэнергию!».

– Требовалась большая организаторская работа, – вспоминает Владимир Георгиевич. – Во всех начинаниях необходимо было личное участие первых руководителей, которые своим примером могли «зарядить» на подвиг. Хотя «подвигом» все сделанное здесь в те годы назовут гораздо позже. А тогда мы просто нормально работали и героями себя не чувствовали. Надо – по двенадцать часов трудились, надо – по восемнадцать. Никто не считался со временем. И никто за это не требовал дополнительной оплаты. Так было на всех стройках. Ведь в те годы строили БАМ, КАМАЗ. Там тоже было не сладко. Все так жили. И мы – тоже.

Большую роль в создании коллектива, в выполнении поставленных задач сыграли такие могучие люди, как начальник строительства Иосиф Наумович Королинский, директор станции Василий Григорьевич Голиков, первый секретарь Сургутского горкома

партии Василий Васильевич Бахилов, который принимал самое непосредственное участие в создании большой энергетики на территории.

Из дневниковых записей В.Г. Губачева:

«Строители и эксплуатационники были вместе с самого начала. Здесь, на Всесоюзной комсомольской ударной стройке, в ту пору изменились многие устоявшиеся понятия. Восьмичасовая рабочая смена, выходные – все это было, казалось, из какой-то чужой жизни, из милой сказки. Да и её, эту сказку, вспоминали редко. Некогда было. Сибирь осваивали люди особой породы – смелые, сильные, верные! Они отличались оптимизмом, одержимостью, новаторством».

Трудно принимать ответственные решения. Не легче ставить конкретику задач. А каково же практически выполнять задуманное? Когда суть происходящего определяет уже не расчет, не график, не проект, а человеческая воля, стойкость, черная работа, соленый пот, выносливость сердца. И еще то, что затасканно теперь определяется как «организация производственного процесса».

В должности начальника (еще не существующего) цеха централизованного ремонта строящейся станции, Губачеву приходилось заниматься в буквальном смысле всем.

Вот как вспоминает об этом времени Владимир Яковлевич Глинских, старший инспектор по надзору за объектами котлонадзора, ныне пенсионер:

– Тогда вся станция представляла собой строительную площадку. Катастрофически не хватало производственных площадей, поэтому мастерские цеха приходилось располагать в самых неожиданных местах. Например, в котельном цехе. Или ютиться за инженерно-бытовым корпусом... Там устанавливали оборудование, станки, которые получали по разнарядке в Уралэнергомонте, Свердловэнергомонте – нашем головном предприятии. На них производили ремонт всего того, что требовалось для бесперебойной и качественной работы, для воплощения директивных планов в жизнь.

Рассказ дополняет Галина Петровна Мирзоева, инспектор отдела кадров:

– Губачева сложно было не заметить. Инициативный, веселый, балагур. Тогда всех молодых специалистов сразу было видно. Их в дирекции насчитывалось человек сорок. Потом персонал стал увеличиваться. В первую очередь приезжали начальники цехов. Вот и Владимир Георгиевич возглавил цех централизованного ремонта. Станция еще строилась, поэтому до ремонта, как такового, было далеко. Занимались организационными вопросами, комплектацией кадров, оборудования и всего прочего, оформляли соответствующую документацию... Никакого помещения и в помине не было – сплошная строительная площадка! Еще только решали, где будет находиться тот иной цех, чем будет заниматься. Губачев сам формировал цех централизованного ремонта.

– У них в то время была большая комната, – вспоминает Борис Кельманович Криворуцкий, инженер-технолог цеха наладки и испытания оборудования филиала ОАО «ОГК-2» Сургутская ГРЭС-1. – Там они все и сидели. Там же кровати стояли, там же и спали. Сначала у всех цехов было по одной комнате. Когда появилось новое здание, они в каждом свободном месте сделали «халупу»: мастерскую по ремонту того-то, мастерскую по ремонту того-то... Такого в проекте не предусматривалось, но они везде на свободных местах поселили своих людей, поставили станки. Конечно, все это нарастало медленно. А сначала люди просто проводили ревизию оборудования. Посмотрят: «Ух, ты, что тут творится!», и начинают чистить.

Владимир Георгиевич эту ревизию и организовал. Она была необходима для того, чтобы установить оборудование в рабочем состоянии и правильно его эксплуатировать. Это – великое дело, потому что с завода гнали такой брак! К примеру, приходит насос. Его открывают, а там – ржавчина, мусор, палки какие-то... Значит, самим надо все очистить, смазать, привести в порядок. Каждый агрегат, который к нам поступал, проходил через руки ремонтников.

Я считаю, они великое дело сделали. Впоследствии эта практика стала нормой.

Геннадий Федорович Гурин работал на ГРЭС-1 с августа 1971 до выхода на пенсию. Период становления энергетики в Северном

крае прошел через его жизнь и при его непосредственном участии. Ему тоже есть о чем рассказать:

— Мне запомнился хозяйственно-деловой подход Владимира Георгиевича Губачева к организации и оснащению цеха централизованного ремонта (ЦЦР). Подготовка к выполнению будущих ремонтов оборудования шла полным ходом: комплектовались кадры ремонтных бригад, строились мастерские и бытовые помещения, создавались комплекты инструментов и приспособлений.

Всю его деятельность по организации производства я сравнивал с действующими условиями своего электрического цеха, где работал. Честно говоря, восхищался и... завидовал. В электрическом цехе такой организации рабочих мест не было.

Сургутская ГРЭС строилась и развивалась быстрыми темпами, энергоблоки вводились в строй с опережением графиков, наращивалась мощность электростанции, увеличивались объемы ремонтных работ на оборудовании, рос и развивался цех, возглавляемый Владимиром Георгиевичем Губачевым.

Впоследствии это структурное подразделение оказалось единственную помочь в организации и оснащении «Предприятия ремонтных производств» – ПРП «Тюменьэнергомонт».

Первые успехи, первые огорчения

Равнение шло на лучших. А с таковыми сургутской стройке повезло изначально. Дело возглавил человек уникальной работоспособности и оригинального, до дерзости, мышления – Иосиф Наумович Королинский. К тому же он был выдающимся организатором производственного (причем, очень многопрофильного, сложнейшего во всех смыслах) процесса. В такой же мере в нем проявлялся и первоклассный, опытный специалист-энергостроитель. Впоследствии Губачев вместе со своим коллективом добьется, чтобы именем Королинского была названа одна из улиц города. Правда, на это уйдет почти двадцать лет!

Инженерную службу строительства возглавлял Евгений Михайлович Зеваков. Начальником производственно-технического отдела, несмотря на относительно молодой возраст, был назначен Иосиф Владимирович Луцюк. В надежных руках находились и другие ответственные участки стройки. А она стремительно раз-

ворачивалась и вглубь, и вширь. Ее дыхание ощущала теперь не только Западная Сибирь...

В Омске расширяли речной порт и монтировали специальный (250-тонный!) кран для обработки и отправки грузов, поступающих в адрес строящейся Сургутской ГРЭС из Запорожья, Ленинграда, других городов страны. По всему маршруту движения грузов укрепляли железную дорогу (слишком тяжелы трансформаторы и генераторы станции). В сторону промплощадки ГРЭС пробивали первые километры усиленной автодороги из железобетонных плит особого качества. Челябинский завод изготовлял специальные трейлеры для сверхтяжелых грузов, которыми потом распоряжался только председатель Совета Министров Алексей Николаевич Косыгин. Медленнее, чем хотелось бы, но возводилось жилье, хуже было со строительством объектов соцкультбыта...

Владимир Георгиевич вспоминал:

«Здесь быстро создавались партийные организации, парткомы. Все это совместно со строителями объединялось под общим флагом сооружения станции. Такое колесо было закручено, из которого, как белке, трудно выскочить.

Помимо энтузиазма делу помогало и другое: мы постоянно чувствовали большую целенаправленную заботу и внимание по отношению к нам всего государства».

Да, станцию строила вся страна: 50 заводов, восемь трестов, 20 тысяч человек. Из них половина – командированные. Всех надо было организовать, обеспечить жильем, питанием...

И вот, долгожданный исторический момент: 1971 год. 22 декабря... ноль часов шесть минут. Первый турбогенератор поставлен на холостой ход. Его мощность 12000 киловатт. «Малышка» (по сравнению с будущими гигантами) ПРТЭЦ дала промышленный ток. Свершилось!

– Сейчас мы, ветераны, об этом вспоминаем с особым, почти священным трепетом, – улыбается Губачев. – Ведь ПРТЭЦ – это наша кормилица. С нее начинался наш коллектив. Те, кто ее строил, потом остались работать и дальше. В основе этой «Малышки» заложен первый камушек, от которого стала выкристаллизовываться производственная структура ГРЭС, а в дальнейшем и всей энергетической системы области.

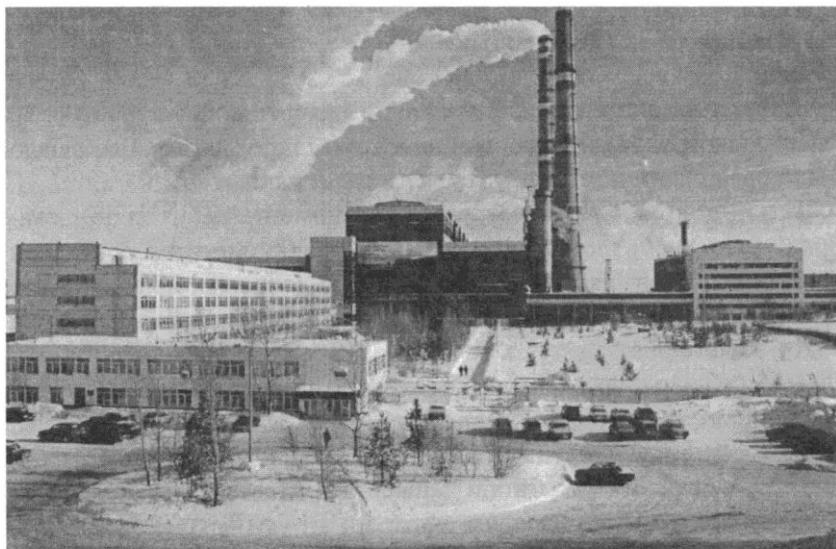
Знаете, незадолго до этого события состоялось заседание пусковой комиссии. На нем присутствовал и первый секретарь Тюменского обкома партии Борис Николаевич Щербина. Так, он по поводу сроков пуска объекта такой разнос устроил! Дескать, проектёры, безответственные люди! Как вы могли назвать этот срок?! За выдвижение нереальных планов надо спрашивать так же строго, как и за срыв реальных!

Не верил в названные сроки и тогдашний министр энергетики и электрификации Петр Степанович Непорожний. Только он выразился весьма символично:

– Если действительно на ПРТЭЦ случится пуск, людям, осуществлявшим его, надо при жизни поставить памятник.

Памятника до сих пор нет... Хотя... сама ГРЭС – чем не памятник? Она такая величественная, красивая, крепкая, как... гриб боровичок!

Зима пускового года была исключительно суровой. Достаточно сказать, что только актированных дней насчитывалось около двух месяцев. Морозы жали такие, словно Создатель решил сделать вы-

Сургутская ГРЭС-1

ГРЭС-1 со стороны водохранилища

зов людям, испытать их на прочность. Металл лопался с тупым хрустом, как галета. А люди продолжали работать...

Тут же, по ходу монтажа и пусконаладки создавались новые структуры, преобразовывались старые. Начался процесс формирования эксплуатационного персонала. Происходила организация цехов, отделов, смен, бригад.

Из воспоминаний Нины Ивановны Ананиной, главного бухгалтера ГРЭС-1, ныне пенсионерки:

— Владимира Георгиевича Губачева я узнала буквально с первых дней его работы на сибирской земле. Был он тогда молодой, красивый, энергичный. Сразу возглавил цех централизованного ремонта. Собственно, он его сам создавал и организовывал. Первоначально в составе цеха насчитывалось всего десять человек, в том числе и мой муж — слесарь и токарь. Но занимались они не ремонтом, а в основном строительством, ведь сроки ввода энергоблоков были сжаты до предела — страна нуждалась в углеводородном сы-

рье, а месторождения в надежном энергообеспечении. Люди сутками пропадали на работе, даже ночевали иногда на станции. Поэтому и дома почти не бывали.

Отдельного помещения, как такового, цех не имел, разве что небольшую мастерскую для инструментов. В числе первых появились цеха: котлтурбинный, электрический, тепловой, автоматики и измерений, химический, ремонтный. Когда организовывался ремонтно-механический цех и туда стали поступать станки, Губачев со своими «орлами» помогал устанавливать там оборудование, несмотря на то, что персонал ремонтников был совсем маленький. Конечно, количество специалистов прибавлялось с каждым годом, но главная задача оставалась одна: ускоренный пуск в эксплуатацию энергоблоков.

Условия труда... смешно вспоминать! Не до комфорта было в то время. О нормальных мастерских только мечтали (если находили время), душевые отсутствовали, служащие сидели в коттеджах на складах, на работу ездили на грузовых машинах. Жили в общежитиях. Работали на износ. В новое здание мы переехали только в 1976-ом году.

Нефтяники торопили – стране нужна нефть. И как можно больше. Поэтому станцию строили скоростными темпами. 4 февраля 1972 года дирекция строящейся ГРЭС была упразднена. Появилось энергетическое предприятие «Сургутская ГРЭС». В июне 1972 года начали рыть котлован под первый блок, а 31 декабря в 15 часов 27 минут энергоблок № 1 мощностью 210 тысяч киловатт был включен в сеть! Монтаж станционного оборудования выполнили за три с половиной месяца! Подобных темпов отечественная энергетика не ведала...

Символичен тот факт, что топку первого котла станции было доверено разжечь Александру Германовичу Сипайловой – человеку, рожденному и выросшему в семье ханты в селе Сытомино. (До этого он уже успел поработать на электростанциях Урала). Сын сибирской земли зажег факел, чтобы дать источник, первую искорку будущей большой энергетики Сибири.

– Можно многое забыть за это время, жизнь не щадит людей,

наполняя их души новыми впечатлениями, радостями, тревогами. Но тот момент для всех его участников останется в памяти навсегда, – вспоминал Владимир Губачев. – Это потом пуски станут делом привычным, а пока – всё со словом «первое». На пусковой комиссии под председательством управляющего системы Свердловэнерго Трачука, решили: 25 декабря начать комплексное опробование первого блока ГРЭС.

…На вахте – начальник смены котлотурбинного цеха Александр Сипайлов. Он дает распоряжение заполнить котел водой. Операция идет медленно, температура воды свыше 100 градусов, котел необходимо прогреть. Все команды на рабочие места подаются с центрального щита. На нем телефоны, десятки приборов. …Сипайлов факелом поджигает газ в топке котла.

И все-таки поспешность дала о себе знать.

Из дневниковых записей В.Г. Губачева:

«До нового года оставалось два дня. Сургутяне бегали в поисках мандарин, ёлочных игрушек, подарков… А энергетикам не до этого: они жили своими хлопотами, своими надеждами. Их мысли и чувства были отданы другому событию.

29 декабря 1972 года. Химический цех Сургутской ГРЭС. Митинг, посвященный окончанию работ на первом блоке. Строители, монтажники, эксплуатационники, представители предприятий города, руководители Сургута и Тюменской области. Лозунг «Родине – первый энергоблок Сургутской ГРЭС!», флаги, транспаранты.

Выступающие отмечали, что вся страна причастна к этому событию. Котел прислала Украина, пульт управления – Узбекистан, приборы – Латвия, турбину – Ленинград. Первый секретарь обкома КПСС Борис Щербина поблагодарил сургутян за этот подвиг. С митинга отправили письмо-рапорт в адрес ЦК КПСС, Верховного Совета и Совета Министров СССР.

О том, что последовало за этим, знают не все. Произошло не-предвиденное. За 30 минут до пуска ЧП: сгорел блочный трансформатор весом 200 тонн. Заводской брак (естественно, это выяснилось несколько позже).

Казалось, темнота прилипла к телу, а наступившая внезапно тишина лишь обострила чувство аварийного состояния. Труд, бесконные ночи, напряжение – всё наスマрку! От победного «Ура!» до действительно надежного электроснабжения прошел не один день. Спасло то обстоятельство, что завоз оборудования производили сразу для двух энергоблоков. Трансформатор заменили... Первый сургутский энергоблок дал промышленный ток!

Все это, конечно, надо было пережить, вынести, прочувствовать. Случившееся могло сравниться только со взрывом, обвалом – настолько ошеломляющей оказалась ситуация. Тем не менее, это была – победа. Общая на всех победа: строителей, монтажников, наладчиков, эксплуатационников. Специалисты уже в то время называли станцию уникальной.

– Даже через столько лет замирает душа: «Батюшки мои, да как только решились, как сумели-то?! Всего 160 дней от первой колонны до выдачи первого киловатта электроэнергии!» – Продолжал с восторгом вспоминать Владимир Георгиевич. – Уникальность заключалась не только в сроках ее строительства и пуска. Уникальной станцию можно было назвать еще до ее рождения.

Во-первых, уникальный проект – в северном исполнении. Таких станций еще не строили. Она же «плавает» как корабль! Специальный фундамент для нее пришлось создавать. Облегченные панели из металлоконструкций, корпус, из сверхпрочных сталей колонны сделаны (а не из железобетона, как на других станциях). Уникальность выбора площадки – его произвели из космоса. Причем, из 34 площадок сургутскую выбрали сразу. Уникально – использование в качестве топлива попутного нефтяного газа. Проект, оборудование – все для энергетиков было уникальным!

Первый блок на любой станции – самый трудный. Ведь к нему нужно построить водохранилище, дымовую трубу, дороги, жилье, больницу, школы, детские сады... Вот и в Сургуте проще стало – потом. А в начале – главным оставались скорости ввода и освоения блоков, которые превышали нормы в три раза!

– Норматив был такой: блок за два года. Мы сооружали их по два в год! – с гордостью говорит Губачев. – К тому времени и кадры были хорошие – монтажники, строители, эксплуатационники

приехали с Рязанской, с Верхне-Тагильской, с Серовской станций, уже готовые специалисты – путевые тоже.

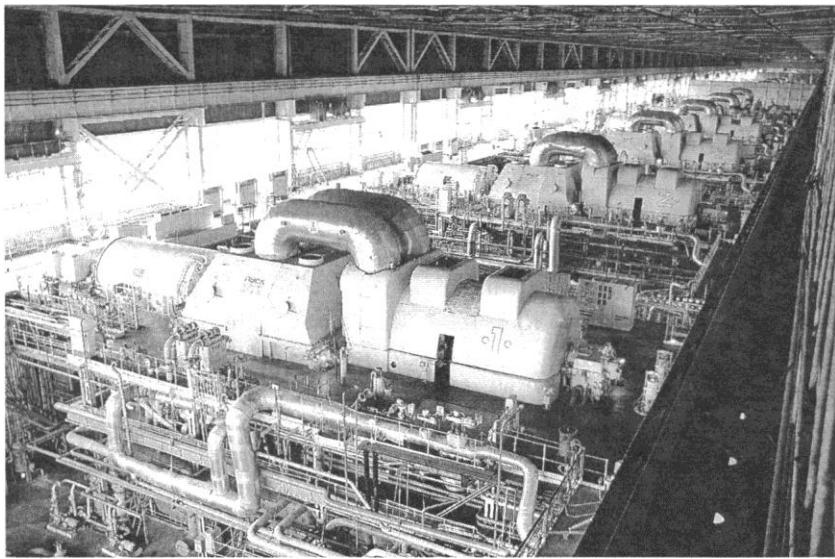
Когда Владимир Георгиевич хотел дать высокую оценку какому-либо человеку, он всегда употреблял слово – «путёвый». Есть в таком определении что-то домашнее. В коллективе к этому привыкли, знали: если Губачев о ком-то сказал «путёвый», значит, действительно, великолепный специалист.

Из воспоминаний Нины Ивановны Ананиной, главного бухгалтера Сургутской ГРЭС-1, ныне пенсионерки:

– Ответственность на всех лежала огромная. И за персонал, и за стройку, и за прием после монтажа в эксплуатацию сложнейшего энергетического оборудования. Поэтому Голиков, Давидовский, Королинский, Губачев и многие другие взвалили на себя великую ношу! И станция стала для них всем... неудачами и радостями, непротрепкой и огорчениями, бессонными ночами и победами. Причем, ответственность была не только за станцию, но и за людей. Наверное, прежде всего – за людей. К тому времени, когда Владимира Георгиевича избрали освобожденным секретарем партийной организации ГРЭС, его цех насчитывал уже 90 человек.

Сургутская ГРЭС-1

Машинный зал

Из досье В.Г. Губачева:

В 1974 году – избран освобожденным секретарем партийного бюро Сургутской ГРЭС.

1976–1978 гг. – переведен на должность заместителя директора по административно-хозяйственной и финансовой части Сургутской ГРЭС РЭУ «Свердловэнерго» Главуралэнерго Минэнерго СССР.

К партийной работе Губачев относился как к делу своей жизни. Вот фрагменты характеристики, данной секретарем партийного бюро Серовской ГРЭС Дворниковым, молодому коммунисту:

«Владимир Георгиевич Губачев член КПСС с февраля 1967 года, работает заместителем начальника Серовского участка производственного ремонтного предприятия «Свердловэнергоремонт».

За период работы проявил себя высококвалифицированным, исполнительным работником. Он систематически повышает теоретические знания и практический опыт, осваивает новые методы

ремонтов котлов высокого давления.

Под руководством тов. Губачева персонал участка постоянно совершенствует технологию ремонтных работ, снижает простои в ремонте оборудования.

Теоретические знания, полученные в институте, тов. Губачев умело передает рабочим своего участка, одновременно преподает специальные дисциплины в Свердловском вечернем энергетическом техникуме. Принимает активное участие в общественной жизни участка станции.

Долгое время добросовестно работал политическим информатором, в настоящее время является членом партийного бюро Сировской ГРЭС, председателем шефского Совета станции.

Проводит воспитательную работу в своем коллективе, выступает с лекциями, докладами, беседами перед трудящимися на общественно-политические и другие темы.

Первомайская демонстрация

Повышает свой политический кругозор, путем самостоятельной работы над трудами классиков марксизма-ленинизма.

Товарищ Губачев пользуется заслуженным авторитетом и уважением в коллективе Серовской ГРЭС».

Подобные характеристики определяли стиль его работы и в партийной организации Сургутской ГРЭС, когда в 1974-ом году его избрали секретарем парткома. Не случайно Владимиру Георгиевичу предлагали возглавить городскую организацию КПСС в Сургуте, в Серове. И уж совсем не случайно его не хотел отпускать с должности директора Серовской ГРЭС будущий первый президент России, а тогда секретарь Свердловского обкома КПСС Борис Ельцин. Сомнений нет, Губачев справился бы с этой сложной и многогранной работой. Но в обоих случаях эти лестные предложения им были отвергнуты. Владимир Георгиевич отдал предпочтение энергетике. Хотя до конца своих дней сохранил партийные и советские документы: пропуска на городские пленумы, удостоверение депутата Серовского и Сургутского городских Советов народных депутатов.

Встреча с ним повлияла на многие судьбы. Вот как рассказывает Авенир Николаевич Пильгуев, начальник ОМТС, затем заместитель директора Сургутской ГРЭС-1, ныне пенсионер.

«...Дело было в мае 1974 года. Во время круиза по Дунаю мы были в одной группе. Кстати, Владимир Георгиевич исполнял обязанности старосты нашей группы.

Круиз был замечательный, мы быстро завязали приятельские отношения, которые потом укрепились. В то время Владимир Георгиевич возглавлял партийную организацию Сургутской ГРЭС, а я работал начальником отдела материально-технического снабже-

*С дочкой Оксаной
на первомайской демонстрации*

ния Сургутского домостроительного комбината. Работа меня вполне устраивала, просматривалась реальная перспектива служебного роста. Вдруг, совершенно неожиданно, весной 1975 года ко мне в кабинет вошел тогдашний заместитель директора ГРЭС Владимир Мельниченко и сказал, что со мной хотели бы встретиться Губачев и Голиков (тогдашний директор станции).

Встреча состоялась. Мне предложили возглавить отдел материально-технического снабжения Сургутской ГРЭС. Никакого резона в переходе с ДСК для меня, казалось бы, не было, но я обещал подумать.

Начальник ДСК И.П. Пенчук и его заместитель В.П. Сохинов были решительно против моего перехода. Я и сам для себя не мог толком объяснить, зачем мне это нужно. Но слишком красноречивы и убедительны были доводы секретаря парткома Губачева. Вот я и перешел в энергетику!

Впоследствии я неоднократно благодарил случай, который свел меня с Владимиром Георгиевичем и во многом изменил мою судьбу. Я счастлив, что большую часть трудовой деятельности посвятил энергетике, и встретил там много замечательных людей».

Ему очень нравилось преподавать в энергетическом техникуме, организовывать туристические походы, курсы бальных танцев, снимать любительские фильмы. С особым трепетом готовил вечера «Трудовой Славы», митинги ко Дню Победы, Дню энергетика. Возглавляя комсомольскую организацию на Северовской ГРЭС, а затем партийную на Сургутской станции Владимир Георгиевич очень ответственно относился к своим выступлениям перед людьми. Готовился к ним основательно и тщательно. Читал много литературы. В ночной тишине рождались необходимые фразы, образные сравнения, оригинальное описание событий, соответствующих теме доклада. Поэтому и слушали его всегда заинтересо-

Доброе слово людям

сованно. А какие поздравления он умел писать и как тепло всегда поздравлял коллектив, выражая собственные искренние чувства! Светло и радостно становилось на душе у людей. И верилось в будущее. Многие до сих пор помнят его речи и восхищаются ими. А одна коллега, уходя на пенсию, сказала ему странный комплимент: «Вы, Владимир Георгиевич, как скажете, так даже корова расплачется».

Из воспоминаний Галины Петровны Мирзоевой, инспектора отдела кадров:

– Идет торжественное собрание, посвященное какому-нибудь празднику: Дню энергетика, Великому Октябрю, 1 Мая... неважно. Обычно в такие дни многие руководители вручают лучшим сотрудникам Почетные грамоты, благодарности. А он, кроме того, всегда каждому человеку хотя бы три предложения, но говорил индивидуально. Это – незабываемо! По крайней мере, ни потом, ни сейчас у нас таких руководителей не было и нет. К примеру, говорил: «Вот, идет бухгалтер – это самый главный на нашей станции человек, от него зависит финансовое благосостояние ГРЭС. Но прежде всего это обаятельная женщина!». И так – всем. Хоть мужчине, хоть женщине. Согласитесь, это приятно и дорого стоит.

Он помнил всех поименно. С людьми общался очень близко, помогал, по крайней мере, старался помочь. У нас не было на станции ни одного человека (из старых работников, по крайней мере), чтобы кто-то обратился к нему с каким-то вопросом, а он оставил бы этот вопрос без внимания. Обязательно помогал!

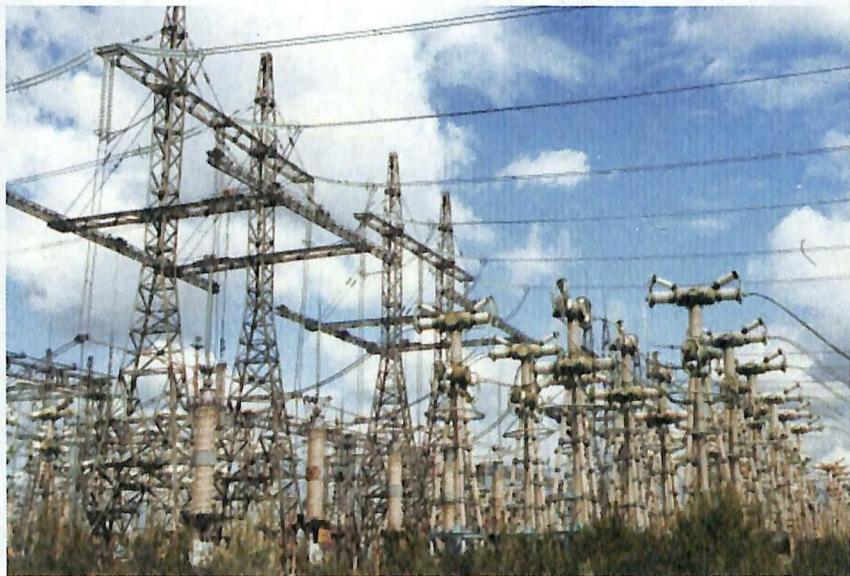
– Когда Владимира Георгиевича избрали секретарем партийной организации Сургутской ГРЭС – дополняет Геннадий Федорович Гурин, – в нем еще ярче проявились умения и навыки, необходимые в сфере общественно-политической деятельности. В общении с персоналом он был корректен и вежлив. В решении конкретных вопросов – принципиален и правдив.

Глава третья. НА СЕРОВСКОМ МЕРИДИАНЕ

*В морозы и метели мы выстоять сумели,
Наш городок рабочий, таежный наш уют.
И дети ветеранов, что повзросль успели
С отцами вместе песни комсомольские поют.*

Сургутская ГРЭС-1

ОПУ Сургутской ГРЭС

Из досье В. Г. Губачева:

В 1978 году – назначен директором Серовской ГРЭС РЭУ «Свердловэнерго» Главуралэнерго Минэнерго СССР, где работал до 1981 года.

Об этом периоде жизни Владимира Георгиевича своими воспоминаниями делится **Светлана Анатольевна Ландышева, инженер по ремонту электроцеха Серовской ГРЭС:**

– Скажу сразу: Владимир Георгиевич с рабочими был на «ты». Ни до, ни после него такого отношения к простому человеку не было. Все держали и держат определенную дистанцию. Губачев же всегда улыбался, мог остановиться с любым рабочим, поговорить. Будь то маляр или уборщица. Обязательно поздоровается, спросит как настроение, какие проблемы, что в семье. Это было присуще его характеру.

В 1980–82 годах я была депутатом Серовского городского Совета. Поэтому приходилось довольно часто встречаться с директором ГРЭС, решать какие-то вопросы. Неважно, частного или общественного значения. Людям надо было помочь. То прописка нужна – в то время пропиской занимались первые руководители, потому что ЖКО входили в состав предприятий. Придет, скажем, бабулька: сыночка не прописывают, он из тюрьмы вернулся... То ребенка в детский садик устроить – надо матери-одиночке помочь. Он всегда с пониманием относился к просьбам людей и всегда помогал. Ни разу не отказал! И все вопросы, с которыми я к нему приходила, решались достаточно быстро.

Директором Серовской станции Губачев работал всего три года, но сделано при нем было многое. В советский период очень большая работа велась по рационализации. Нас тогда обязывали вносить предложения по усовершенствованию технологических и других процессов. Существовал даже специальный отдел по типу «конструкторского бюро». Члены этого бюро при Губачеве работали очень эффективно, реализовали много полезных проектов. Главный из них воплотился в жизнь уже после его отъезда в Сургут, но готовился и был принят при его непосредственном участии. Это – проект переходного мостика из химцеха в служебный корпус. Он и сейчас у нас есть, и все

очень довольны. Потому что раньше, чтобы пройти из химического цеха в служебный корпус, нужно было одеваться и выходить на улицу. Увидев это, он подал идею создания переходного мостика. Инженеры конструкторского бюро разработали этот проект. Мы до сих пор используем результаты их коллективной рационализаторской мысли.

С 1966-го года мы переводили котлы на газ. Постепенно, потихоньку... Этой работе, казалось, не будет конца. Возглавив станцию, Губачев активно взялся за газификацию ГРЭС, и дело сдвинулось с мертвой точки. Далее, конструкторское бюро при непосредственном участии директора провело реорганизацию и автоматизацию производственных процессов. Они разработали и внедрили проект пневмоуборки в цехе топливоподачи. Раньше там был уголь, а значит – вечная пыль, грязь. Наша мечта воплотилась в жизнь: теперь в цехе – чистота.

Еще при Губачеве сделали пенопожаротушение на подстанциях 110 и 220 кВт. Спроектировали и подключили. И все это в короткий период времени – течение трех лет.

Владимир Георгиевич был коммуникабельным, располагающим к себе человеком. Жаль, что все это быстро кончилось – уехал в Сургут.

Помимо непосредственной работы директора Владимиру Георгиевичу приходилось много заниматься и общественной деятельностью.

Из письма Свердловского Совета старейших энергетиков директору Серовской ГРЭС тов. Губачеву В.Г.

«Президиум Свердловского Совета старейших энергетиков, в целях выяснения состояния жилищных, бытовых и других условий жизни старейших энергетиков, находящихся на заслуженном отдыхе (не работающих), просит Вас силами актива провести обследование их жизненных условий и по результатам составить справку, в которой желательно осветить следующие вопросы:

1. Семейное положение. С кем проживает в одной квартире.
2. Занимаемая жилплощадь. Этаж. Проживает в отдельной или в общей квартире.
3. Наличие удобств: отопление, холодная и горячая вода, газ.

4. Требуется ли лечение, уход.

5. Какие пожелания отмечал проверяемый при обследовании.

Одновременно сообщаю, что вопросы по улучшению жилищных условий старейших энергетиков-пensionеров должны решаться с работающими на предприятии согласно действующим правилам.

В случае, когда администрация и ФЗМК профсоюза длительное время не решают вопрос об улучшении жилищных условий старейшему энергетику-пенсионеру, просим сообщить в президиум Свердловского Совета старейших энергетиков.

Зам. председателя президиума Свердловского Совета
старейших энергетиков Г.И. Ангеловский».

А вот что вспомнил **Николай Сергеевич Карпов, освобожденный секретарь партийной организации Серовской ГРЭС с 1978 по 1981 годы:**

– Первый раз я увидел Владимира Георгиевича, когда он приезжал в Серов на практику, будучи еще студентом. А поближе мы познакомились в 1967-ом году в Гантиаде в Доме отдыха серовских энергетиков, где отдыхали семьями. Он – такой веселый человек! Постоянно шутил. Вечерами мы собирались у моря, разжигали костер и пели под гитару. Владимир Георгиевич вместе с Елизаветой Александровной прекрасно пели – у обоих хорошие голоса.

Позже, когда он приехал к нам директором, я уже работал освобожденным секретарем партийной организации ГРЭС. В 1979 году наша станция отмечала 25-летний юбилей. В связи с этим мы тесно общались: обсуждали наглядную агитацию, тексты поздравлений, приглашений, планы мероприятий... Даже семь автомобилей «пробили», чтобы их смогли приобрести работники станции (машины-то в дефиците были!).

К юбилею активно готовился весь город – ремонтировали дороги, школы, чтобы наш Серов выглядел достойно.

Губачев работал у нас недолго, но многое успел сделать. При нем был создан Совет секретарей партийных организаций и директоров крупнейших предприятий города, во дворце культуры появился атеистический кабинет, куда собирали всю соответствующую литературу, там же проводили семинары. При нем создали

общественный пункт охраны порядка, активизировали свою работу дружинники.

Владимир Георгиевич часто выступал перед людьми. Я всегда поражался тому, как он красиво и грамотно строил свою речь. Даже как-то поинтересовался, где он научился ораторскому мастерству. Ответил скромно: директор общеобразовательной школы помог (нашей, подшефной) – Даниил Исаевич Штейнгард. Кстати, Губачев многое сделал для школы: помог в ремонте здания, активно участвовал в жизни учебного учреждения. От Даниила Исаевича он получал информацию об отстающих учениках и проводил воспитательную работу с их родителями. А ведь это совсем не входило в обязанности директора ГРЭС.

У нас на станции был очень дружный коллектив. Мы частенько собирались по выходным на даче. Владимир Георгиевич вместе с руководителем строительного управления Серовэнергострой Эдмундом Мильбергером готовили замечательный плов! Женщин к плите не подпускали.

Очень любил цветы, причем, кактусы. Помню, в его квартире во всех комнатах они стояли. Владимир Георгиевич сам за ними ухаживал.

Не чурался директор ГРЭС и «женской» работы: помогал накрывать на стол, готовил свои «фирменные» блюда, мыл посуду.

Всегда аккуратно одевался. Не любил опаздывать, уважал чужое время. Много читал. С ним всегда было интересно общаться. Умный, справедливый, инициативный, энергичный человек. Настоящий друг, мужчина... Список его достоинств можно продолжать еще долго...

Глава четвертая. НЕ ПО ДОЛЖНОСТИ, А ПО ДУШЕ

*Этот край заколдованный,
До конца не разведанный.
Вечно юный и новый он,
Научил спорить с бедами.
Есть в нем сила безвестная,
По тайге нас ведущая,
Стали все мы здесь местными,
Но в дорогу идущими...*

Зарубки на полотне памяти

1976 год. Правительство СССР приняло решение о строительстве второй очереди Сургутской ГРЭС – 6 энергоблоков по 210 МВт каждый.

1979 год. В строю первая очередь станции (шесть блоков общей мощностью 1284 мегаватта).

1980 год. Закончено строительство второй очереди Сургутской ГРЭС-1.

Из досье В.Г. Губачева:

В 1981 году назначен директором Сургутской ГРЭС РЭУ «Тюменьэнерго» Всесоюзного производственного объединения «Союззапсибэнерго» Минэнерго СССР.

На перекрестке времени

По должностной лестнице Владимир Губачев поднимался быстро. Великолепные организаторские способности были замечены. Честность и принципиальность оценена. Авторитет и умение работать с людьми выдвинули его в ряд коллег особого статуса. Уже через два с лишним года он – секретарь парткома станции, еще через два – заместитель директора по хозяйственной части, а в 1978-ом – директор Серовской ГРЭС. Может быть, с легкой руки Бориса Николаевича Ельцина, который в то время возглавлял партийную организацию Свердловской области, Губачев и стал бы большим партийным работником – речь об этом уже вели. Но, как ни странно, его дальнейшую судьбу определила... авария, произошедшая в далеком Сургуте. Выражаясь языком профессионалов, станция села на ноль.

– Это самое страшное, что может быть в энергетике! – машет рукой Губачев. – Жуткое состояние – темно и тихо! Когда станция не гудит, не шумит, не ревет... Случилось это 9 мая. Было очень тепло, даже жарко. Начался мощный паводок. Ввиду неисправности механизма, который регулирует уровень воды в водохранилище, произошла ее поломка. В результате уровень воды стал подниматься на недопустимую отметку. И тогда главный инженер Игорь

Александрович Давыдовский принял решение сделать в плотине небольшой проран, который бы позволил понизить уровень воды для нормальной работы станции. Вроде бы все рассчитали, но природа внесла свои корректизы. Как только появилась дырка, вода хлынула и снесла плотину. Вода из водохранилища ушла. Вот здесь дно было видно, рыба дергалась... – показывает под ноги.

– Пришлось отключать все 12 блоков. Ситуация – авральная! Я сам свидетелем случившегося не был, но мне рассказывали, что весь город, все промышленные предприятия включились в работу по восстановлению плотины. Все, кто мог и что мог тащили сюда и сбрасывали в провал: помимо гравия, – балки, железобетон, даже конструкции линий электропередачи... Три дня шла борьба за выживаемость станции. Никто не считался со временем. Затрачены были огромные трудовые и моральные ресурсы. Ведь это была катастрофа не только для станции, но и для всей страны – месторождения-то не работали...

После аварии возникла необходимость кадровых перестановок. Бывшего директора Василия Григорьевича Голикова (хотя во время аварии его не было на станции) понизили в должности. На его место поставили Губачева. (Все-таки первому секретарю Тюменского обкома партии Геннадию Богомякову удалось уговорить Ельцина отпустить директора Серовской станции в Сургут). Положение щепетильное. У Голикова был огромный авторитет. К тому же, бывший и вновь назначенный директоры одновременно учились в одном институте на одном факультете. Только Губачев – на очном, а Голиков – на заочном. Первый помогал второму выполнять студенческие чертежи. А когда Владимир Георгиевич возглавил Серовскую ГРЭС, Голиков оказывал своему подопечному неоценимую поддержку, помогая стать настоящим организатором производства.

– Я в него свято верил. Он же меня готовил в директора, это ощущалось не только в Сургуте, но и в Серове. Еще раньше, когда мне предложили возглавить атомную станцию, я побежал к нему советоваться. Он сразу сказал: «Ты там директор до первого дыма. Ты – не атомщик». А на Серов согласился. И там полгода мне в спину дышал, постоянно помогал: каким цветом резолюцию под-

писывать учил, учил, как приказы писать. Сейчас в руководство коллективами ребята «поушастее», посмышленее меня (тогдашнего) приходят...

В Голикове всегда поражала великая ответственность перед делом. Он научил меня верить в людей. Говорил: если не будешь верить людям, из тебя директора никогда не получится.

И вот мы стали вместе с ним работать... Поначалу я много ошибок делал. Приходилось иногда отменять собственные решения, извиняться перед людьми. Но амбиций не было. Если понимал, что не прав, извинялся, исправлял свою ошибку. Не стеснялся признаваться в этом перед подчиненными. Я же живой человек, имею право на ошибку.

К тому времени уже появилась Тюменская энергосистема, которую возглавил Владимир Петрович Соколов. Человек он молчаливый, немногословный. Даже сесть не пригласил, когда новый директор Сургутской ГРЭС Губачев появился в его кабинете после приказа о назначении. Разговор повел от порога:

— Условия в городе тебе известны. Жилья нет — ни квартиры, ни места в общежитии. Сам добывай. Все плохо. Иди, работай.

И весь разговор.

Помогла встреча с председателем горисполкома Олегом Даниловичем Марчуком. А ситуация в бытовом, житейском смысле для руководителя ГРЭС можно прямо сказать, была «аховая»: не мог за себя просить Губачев, но и дальше жить на станции было тоже нельзя.

— Мне бы квартиру хоть какую-нибудь... — выговорил, пересилив себя.

— У-у! Какой вопрос... — ответил Марчук. — Приходи завтра ко мне. Какую тебе надо квартиру?

— В семье четыре человека (решил поплакаться) — трехкомнатную бы... если, конечно, можно.

— Ладно.

На другой день звонит секретарь председателя горисполкома:

— Зайдите к Олегу Даниловичу.

— Володя, извини, — начал оправдываться Марчук, выходя из-

На первомайской демонстрации

за стола, — нет трехкомнатных квартир. Только четырехкомнатные...

В этой квартире Губачев прожил до конца своих дней. Тогда она была еще не достроена. Лестничные пролеты без перил. Свет — от аккумулятора. Воду брали в старом Сургуте из колонки, по два бидона зараз.

Тогда по всему городу положение было непростое. Дополнительные насосы устанавливали, чтобы до верхних этажей домов вода доходила.

Вот как об этом времени вспоминает дочь Наталья:

— Для нас с сестренкой Оксаной папа был волшебником. Он всегда приносил конфеты. Мы вместе ходили на лыжах. Все свободное время он посвящал семье.

Помню, в Сургуте тогда было очень много собак — огромные стаи. Я с ними дружила. Однажды мы с подружкой заманили в квартиру собаку. Вдруг пришел папа (он частенько приезжал домой меня проверять). Я растерялась: куда деть собаку?! Спрятала вместе с подружкой под кровать. Собака дикая, не хотела сидеть на месте, рвалась... А я в это время с папой разговаривала, отвлекала его от шума. Все-таки животное вырвалось, выскочило в коридор. Он, конечно, не ожидал такого явления, но все обошлось. Папа знал, что я очень люблю животных.

ГРЭС-1, как флагман российской энергетики

К началу 80-х на станции уже был создан коллектив единомышленников. Коллектив — монолит, на техническом и интеллектуальном потенциале которого практически держалась вся мощная тюменская энергосистема. На основе подразделений именно

ГРЭС-1 сложилось кадровое ядро второй Сургутской станции. Выросли специализированные, транспортные и другие предприятия. Ее специалисты возглавили коллективы энергетических объектов в Нижневартовске, Тобольске, Уренгое... в Системе руководства Тюменьэнерго. Флагман большой энергетики подавал электроэнергию не только на промышленные предприятия, месторождения и в населенные пункты, но и обеспечивал живительным теплом быт сургутян, уже одним этим фактом утверждая свою особыю роль в инфраструктуре города.

Из воспоминаний Вадима Николаевича Шувалова, заместителя генерального директора ОАО «Тюменьэнерго» – руководителя Аппарата.

– Помню, когда я только приехал работать в Сургут (1981 год – прим. автора) ГРЭС меня по-хорошему поразила. И не только масштабами, но и тем, что та часть, которая уже находилась в эксплуатации, была в идеальном состоянии. Был построен административно-лабораторный корпус, и Владимир Георгиевич сразу же обустроил территорию, установил огромное панно с фотографиями людей, которые работали на станции, природы. То есть, сделал все для того, чтобы создать благоприятное эстетическое восприятие своего места работы у людей. Первый плакат этого панно гласил: «Сургутская ГРЭС – энергетическое сердце Западной Сибири». Сейчас это выражение мы часто слышим в несколько измененном варианте: «Сургут – энергетическое сердце России», и не все знают, что появилось оно благодаря Губачеву. Надо сказать, что этот огромный плакат при входе давал возможность коллективу, и ему как руководителю ежедневно ощущать всю меру ответственности за свою работу, потому что, как говорится,

Пуск энергоблока. 1981 год.
Губачев в центре

ответственность сполна почувствуешь лишь тогда, когда «повесишь» ее себе на плечи.

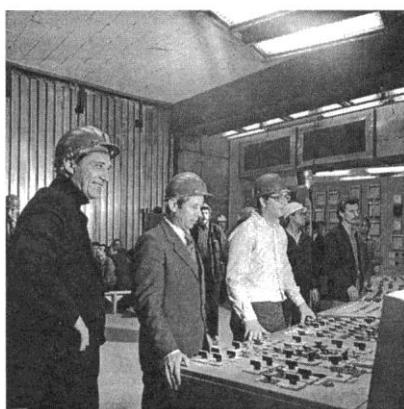
По установленной мощности станция прочно удерживала пятое место в стране. Что же касалось таких важных, сугубо экономических показателей, как удельный расход топлива, или уровень производительности труда, себестоимости вырабатываемой электроэнергии, – здесь приоритет у сургутян был настолько же безоговорочен, насколько и стабилен.

И если материальных стимулов не всегда выделялось достаточно, в моральном – «щедрот» хватало. Успехи коллектива неоднократно отмечали переходящими Красными знаменами Минэнерго страны и ЦК Профсоюзов; символы ГРЭС-1 украшали областную Доску почета; были и другие высокие свидетельства плодотворной работы энергетиков Сургута не только в этот период, но и в последующие годы.

Из воспоминаний Владимира Яковлевича Глинских, старшего инспектора по надзору за объектами котлонадзора:

– Сейчас с высоты прожитых лет, оглядываясь на прошлое, я удивляюсь: откуда у нас, приехавших со всех концов страны на ударную комсомольскую стройку – молодых и зрелых людей – было столько сил и энергии, чтобы поднять с нуля большую энергетику в Западной Сибири?! Я же помню, насколько нам, простым

рабочим, энергетикам было трудно. А ему?! Руководителю?! Ведь его-то голова болела за все. Начиная с отдела кадров. Специалистов приглашали со всей страны. Помню, много людей приезжало из Ивановской области. Там был прекрасный энергетический институт. С профессорами, получившими образование еще в дореволюционной России. «Зазывалы» обещали им солидные подъемные, место в общежитии-

Пуск энергоблока. 1983 год

ях, высокие заработки, молодым специалистам – квартиры. Тогда много лаборантов приехало в химический цех. И ведь он, директор, выполнил все, обещанное людям. Пусть квартиры давали не сразу, но в остальном-то слово держал.

Мы тогда чуть ли не каждый год пускали по два блока 210. Поэтому надо было привлекать и удерживать людей. Владимир Георгиевич делал для этого, на мой взгляд, все, что мог и даже немножко больше. Ему удалось собрать и сплотить коллектив до прочности монолита. Жили дружно, весело. Люди, что называется, «горели» на работе. Мы чувствовали на себе заботу руководства.

Из воспоминаний Юрия Яковлевича Матакова, водителя:

– Работали допоздна, возвращались домой в 21, 22, 23 часа. Но даже в самые напряженные предпусковые и пусковые дни он ни на кого не срывался, не повышал голоса. Никогда!

Энергетика, вообще, такая отрасль, которая не прощает ошибок. Наверное, поэтому здесь работают люди, обладающие повышенной степенью ответственности, специалисты высокого класса. Владимир Георгиевич очень ценил мастеров своего дела. Когда шла пусконаладка, на ГРЭС-2 работали слесари «седьмого разряда», как он их называл, настройщики генераторов. Они в наушниках определяли «биение» «сердца» электростанции. Там в микрометрах все измеряется. Он никогда не вмешивался в этот процесс, молча наблюдал за их работой, а потом восхищался... Сварщики тоже были уникальные, они даже собственное клеймо ставили на швах. Вот такая ответственность была у людей. Он умел ценить высокий класс специалистов.

Из воспоминаний Антонины Васильевны Шелеповой, начальника химлаборатории Сургутской ГРЭС-2:

– Шел монтаж блоков 800, оперативка. Кто-то пришел, шепнул на ухо Губачеву, что в горкое время ему «влепили» очередной выговор. Помещение было небольшое, все услышали сказанное. Владимир Георгиевич это понял. Сначала нахмурился, потом улыбнулся: «Ну, ладно, у меня уже 99 выговоров есть, пусть будет сотый. Для полного комплекта».

Даже в самые напряженные времена он всегда улыбался. В каске, в синей фуфайке (в крупный вельвет), в валенках Губачев ходил по нашим отметкам. Видел, как работали люди: один сварщик спит прямо в каске, другой варит. Потом тот, кто варил, спит, а другой варит. Вот так шел монтаж оборудования! Не чурался он ни грязи, не боялся искрящейся сварки, ходил везде, все смотрел сам. При его-то занятости! При такой ответственности, какую он имел, руководя Объединенной ГРЭС, практически двумя станциями! Мы здесь сидели день и ночь. И он – с нами. В 10 утра и в 10 вечера проводил оперативки. Его постоянно вызывали то в партком, то в горком, а еще отчеты по телефону перед Москвой...

Директор – понятие многогранное

Директор электростанции за рубежом и в советской стране – должности были и есть до сих пор далеко не адекватные. Там уровень подготовки людей совершенно другой. В Америке и в Европе руководитель несет ответственность только за выработку электро-

Нелегкие заботы директора

энергии и нормальную работу объекта. Он не знает, что такое квартирный, транспортный вопросы, где берется топливо... Все это решается без его личного участия и озабоченности.

В России же в то время на плечи директора станции возлагалось неизмеримое количество обязанностей.

Из воспоминаний Ольги Николаевны Агеевой, начальника технического архива Сургутской ГРЭС-2:

— Мы с мужем — молодые специалисты из Иваново — приехали в Сургут в ноябре 1982-го года. Те далекие годы очень отличаются от сегодняшних дней. На ГРЭС-2, которую только начинали строить, хлынула масса молодых специалистов. Губачев всех принимал на работу сам, с каждым беседовал. И был чрезвычайно прозорлив. Вот и мужа моего, Владимира Александровича, «разглядел» с первой же встречи, определив в нем будущего классного специалиста. С 9 сентября 1982 года муж несет трудовую вахту, теперь работает заместителем начальника по эксплуатации цеха ТАИ.

Но вернемся к первой встрече. Естественно, жилья тогда не хватало. При распределении в документах мужа было записано: «... предоставляется комната». Это сыграло решающую роль в нашем выборе — ехать или не ехать в Сургут. Мы тогда не знали, что здесь очень суровый климат, и город еще не обустроенный. Были уверены, что комнату дадут сразу. Дескать, прямо-таки в первый же день получим ключи. Но до этого радостного момента предстояло прожить целых шесть месяцев.

Владимир Георгиевич честно сказал, что комната нас не ждет, и что она существует пока только в проекте. Так что некоторое время придется пожить в разных общежитиях. Для меня, вчерашней школьницы, молодой жены это был шок! Но все эти неприятные вести Губачев высказал так, что мы не обиделись и даже не расстроились.

Нас тревожила еще одна проблема: мы прибыли в Сургут вместе с контейнером. Ведь мама собирала меня, как жену декабриста в ссылку. Даже валенки с собой привезли. Я спросила:

— Владимир Георгиевич, а что же нам делать с вещами?

— С какими вещами? — удивился он.

— Так, у нас контейнер уже прибыл на железнодорожную станцию! А там австрийские красные сапожки!

— Да? Действительно... красные?! — он сделал вид, что удивился.

— Если мы разместим свои вещи на складе, там же мыши!

Владимир Георгиевич сделал паузу и говорит:

— Да, жалко австрийские красные сапожки, съедят их мыши...

— с сожалением подтвердил мои опасения. И тут же сменил тему беседы. Стал говорить о станции, о городе, о людях. Я поняла, что мне еще многое здесь предстоит преодолеть. Первичные огорчения ушли на задний план. Печаль сменилась интересом. Вышли с супругом из кабинета совершенно в другом настроении: что ж, поживем в разных общежитиях... А там, глядишь, все и утрясется.

Сейчас я — энергетик. Прошла все ступеньки профессиональные, закончила энергетический вуз, работала на разных должностях. Теперь здесь, в архиве, в комнате, которую обустроили с помощью Губачева.

Помимо непосредственного руководства и строительства третьей очереди ГРЭС-1 и начала возведения ГРЭС-2, выдачи нор-

Заготовка сена для совхоза «Юганский»

мативной мощности, поддержания высоких экономических показателей в использовании попутного нефтяного газа, было еще множество других предприятий и объектов, за которые тоже нес персональную ответственность Владимир Георгиевич Губачев: Дворец культуры «Энергетик», карповое хозяйство, детские сады, пионерские лагеря, школы (почти на десять тысяч учащихся), больница на 200 койко-мест, теплицы, профилакторий, подсобное хозяйство...

Из воспоминаний Владимира Яковлевича Глинских, старшего инженера по надзору за объектами котлонадзора:

– Взять хотя бы совхоз «Юганский». Работники ГРЭС помогали ему в заготовке сена, а оттуда мы получали мясо, молоко из-под коровки. С теплиц станции, начиная с марта, имели к столу свежие огурчики, позднее – помидоры. Дети энергетиков учились в нашей подшефной школе, ходили в наши детские сады, которые находились на балансе ГРЭС. Мы даже внуков своих могли устроить в детский сад!

Буквально напротив проходной построили собственный профилакторий. Там можно было не только поправить здоровье, но и пережить времена отпусков, когда наши жены уезжали с детьми в теплые края по профсоюзным путевкам.

Все это появилось в пору, когда станцией руководил Губачев. Он даже сумел подключить к строительству долгостроя (ДК «Энергетик») Михаила Сергеевича Горбачева, который приезжал в Сургут в сентябре 1985 года. После этого стройка ожила, и вскоре мы имели собственное культурное учреждение.

А еще под руководством директора станции находились автотранспортный, ремонтный, строительный цеха... В довершение ко всему – родной коллектив со своими проблемами, когда приходилось разбирать не только нестандартные ситуации внутри цехов, но и конфликты личного характера. Надо отдать должное, не одну семью удалось сохранить за время своего руководства директору Губачеву. Все это входило в одно емкое понятие – энергетика и ее кадры.

Из воспоминаний Александра Геннадьевича Осинова, председателя профкома Сургутской ГРЭС-1:

– В свое время в энергетике ликвидировали отдельную очередь на жилье среди молодых специалистов. До этого им выделяли определенные проценты от общей очереди. Такое решение приняло руководство Тюменьэнерго, с которым мы заключали коллективный договор. Чтобы отстоять свои позиции, подключили специалистов из УПИ, ведь большинство выпускников приезжало к нам оттуда, на всех уровнях приводили веские аргументы за сохранение льготы. Обратились даже в обком профсоюза. В этой ситуации нас поддержал и Владимир Георгиевич Губачев. Не побоялся выступить против решения вышестоящего органа – Тюменьэнерго. Нам удалось отстоять и сохранить отдельную очередь для молодых специалистов.

Еще один момент. Молодой специалист Сергей Волков, работая в отделе оборудования, хотел перейти в цех. Начальник отдела кадров не давал «добро». У него свои интересы: людей не хватает. Вместе с ребятами из Совета молодых специалистов пошли к Губачеву, объяснили ситуацию: парень хочет работать в цехе, блоки пускать. Почему он должен сидеть, «пинать» оборудование? Владимир Георгиевич не сразу, но согласился и помог. Волкова перевели в цех.

ГРЭС расширялась, вступали в строй новые блоки, подсобные объекты. Ко всем заботам директора по надежной их эксплуатации прибавлялись совершенно необходимые для станции структурные подразделения, не учтенные в планах и проектах. Поэтому иные объекты приходилось строить «замаскированным» методом. Таким способом, к примеру, возвели СПОПАТ. Он тогда относился к Тюмени. Подписали договор: энергетики обязались построить здание конторы и производственную базу автобусному хозяйству, а те в свою очередь до «скончания веков» должны были возить энергетиков на автобусах к месту работы. Базу построили, век еще не закончился, а возить уже перестали.

– С отцом Виктором мы очень хорошо знакомы были. – Вспоминал Владимир Георгиевич. – За счет станции помогли ему сделать фундамент храма Преображения Господня в Сургуте. Тогда

нельзя было никакими путями под эти цели деньги провести. Сумели энную сумму «спрятать», но помочь. Мы много и подолгу с ним разговаривали. Однажды он мне сказал: тебе надо идти в священнослужители, ты кого угодно убедишь.

Сейчас, когда бываем на юге, заходим с женой в церковь, где отец Виктор служит. Он сразу понимает: кто-то из Сургута приехал, потому что только северяне могут позволить себе пожертвовать на церковь крупную сумму денег.

Бывший клуб энергетиков был возведен по титулу спортзала школы. Больничный комплекс финансировали, как общежитие. В Омске – был построен речной порт: здание пароходства, причальная стенка, четыре жилых дома, плюс к тому смонтирован кран под тяжелые грузы. И все это – в закамуфлированном виде.

– Наверху, конечно, знали обо всем. Но тогда была такая милая поговорка: «К суду привлекают тех, кто попадается». Я, допустим, спортивный комплекс в Серове построил за счет средств капитального ремонта. Валентин Павлович Трачук, управляющий Свердловэнерго, меня лишил премии, объявил выговор. А через три дня наградил тремя окладами. Вот и все. Помню и Голикова золотые слова: «Что угоднотвори, ничего не бойся. Главное, чтобы к ладням не прилипало ничего. Если для народа трудового, то можно и рискнуть, сыграть в игру против правил. Но если для себя лично – тогда все. Пощады не будет!»

И он рисковал. Много раз.

Сделали на станции памятные доски-барельефы – Владимиру Сергеевичу Глухову, главному инженеру проекта, и Василию Григорьевичу Голикову, первому директору. Казалось бы, хорошее дело придумал Губачев: увековечить память «первопроходцев-энергетиков». Однако нашлись люди, которые начали писать на него жалобы, дескать, действовал не по закону... Пришлось доказывать, отстаивать свою правоту.

Другой раз решил помочь хорошему специалисту, который не имел квартиры и долго мучился без жилья.

– Вот такой мужик был! – показывает кулак с оттопыренным большим пальцем. – Я ему потихоньку говорю: иди к бухгалтеру, она тебе даст ссуду беспроцентную. Знал, что это прямое на-

рушение, но ссуду ему дали. Он молчал года два-три, а потом кому-то рассказал на какие деньги квартиру купил. Ко мне другие пошли. А я не имею права. Тогда они написали жалобу: вот он тому-то давал, а нам не дает. За такое нару-

шение в советские времена практически отдавали под суд. Спасло и меня и бухгалтера то, что в этом законе есть давность времени – три года. А три года уже прошло. Поэтому нарушение осталось без наказания.

У каждого человека есть сильные и слабые стороны. Владимир Георгиевич старался их изучить, чтобы затем учитывать в работе с людьми. Он прекрасно знал, кто может и любит рисовать, кого послать в министерство, чтобы «пробить» какой-то вопрос, кто хорошо поет, а кто может написать теплое и красивое поздравление. Знал он и тех, кто не терпит лжи, кто слишком принципиален и за правду пойдет до победного конца. Не всегда этот «победный конец» устраивал директора. И тогда он тактично вмешивался в судьбу.

– Был у нас один сотрудник... непорядочный... уедет в отпуск и возвращается непременно с опозданием. Приезжает – с больничным листом на месяц. Раз, два такое прошло мимо. Хотя понятно было: что-то тут не так. Помощник директора по кадрам расписывался, нашел ту больницу, все силы приложил, выкопал, что все это фальшивое, и что больничный ему родичи помогали организовывать. Возмущению не было предела! Он бы его под суд отдал! Точно! Я едва остановил кадровика. Говорю, видишь, мужик на четыре кости встал, извинился, на партийном собрании признался, что он плохой коммунист. Стоял перед нами, чуть не плакал. Что ж его теперь... выгнать надо? Отстоял...

По своей сути Губачев – не технарь. В большей степени – организатор, педагог, психолог. Хотя по квалификации – инженер-теплотехник. Просто бывают «технари», у которых даже душа превращается в металл. С Владимиром Георгиевичем такого произойти не могло.

Из воспоминаний Антонины Васильевны Шелеповой, начальника химлаборатории Сургутской ГРЭС-2:

– Однажды шла из химцеха в управление и увидела плачущую техничку. Видимо, что-то в семье произошло. Она стояла и ревела, опершись на швабру. В это время мимо проходил Губачев. Подошел к ней, обнял за плечи: «Почему ревем?». Она что-то пыталась объяснить, а он ей: «Посмотрите, какая вы красивая женщина! Зачем плакать-то? Все в жизни наладится».

И ведь как сумел успокоить простого человека! Когда минут через десять возвращалась назад, эта женщина уже мыла пол, и швабра у нее летала, как Змей Горыныч, во все стороны. И слезы высохли, и улыбка на лице. Невольно подумала: как же мало надо, подчас, человеку, чтобы стать самим собой и над неудачей подняться! Всего-то несколько добрых слов, сказанных в ее адрес руководителем. Обычно людям такого уровня бывает не до нас. А вот Губачев не прошел мимо, увидев дурное состояние технички. Ободрил ее словом. А ведь таких ситуаций было множество.

Из воспоминаний Юрия Яковлевича Матакова, водителя:

– Мы нередко ездили в командировки. Он всегда брал с собой большой кусок сала и полбулочки черного хлеба. Сам выбирал на рынке парную свинину, солил сам. И всегда угождал меня. В дороге с ним никогда не было скучно. Все время что-нибудь рассказывал, шутил. Меня поражала его память, он всех знал по имени-отчеству, подробности их семейной жизни, привязанности какие-то, знал, какие беды в семье и старался всегда помочь.

Однажды (единственный раз!) я опоздал. Другой бы директор возмутился, не преминул выразить свое недовольство, а Губачев весьма тактично сказал: «Юра, мы ж с тобой договорились на определенное время...» И все. Мне этого хватило.

Во время отпуска неоднократно ездили с ним в Копейск, на могилу матери. Я как-то превысил скорость. ГАИ, понятное дело, остановило. Так он не позволил мне заплатить штраф, объяснив, что это, дескать, его вина, потому что мы поехали по его личным делам. Я пытался возразить: это же мое нарушение! Но он наотрез отказался: ты бы не попал под штраф, если бы не поехал по нашей просьбе. Вот такой щепетильный был человек.

Были в той напряженной жизни и праздники, и будни. С проблемами, относящимися не только к родной станции, но и более крупного масштаба. Их решение требовало дополнительных физических и моральных затрат. Для директора время, как пружина, сжималось до предела. И казалось, в сутках уже не 24 часа, а все 48 – так много приходилось успевать делать и непосредственно на станции, и для города, и для других предприятий и организаций.

– Что собой представлял тогда город? Это же хутора и хуторяне! У нас были свои дома. Мы их, в какой цвет хотели, в такой и красили. А сейчас, смотрите, каким стал Сургут?! – с гордостью говорил Владимир Георгиевич. – Хотя перемены произошли не только в благоустройстве. Вообще все изменилось кардинально. К примеру, мы еще двадцать лет назад предлагали освободиться от не свойственных для энергетики функций. Ведь до чего доходило дело? Мы платили зарплату врачам, потому что больница была на нашем балансе. Я должен был решать: открывать группу логопеда в детском садике или нет, выделять музыкальную комнату или использовать помещение по другому назначению. Как строить спортзал или Дворец культуры? А между тем, я – не специалист в этой области! И, все-таки, обязан был решать эти проблемы.

Специалист – не специалист, но за каждый промах, за каждую, так называемую «организационную издержку» приходилось отвечать по «полной программе» и перед вышестоящими инстанциями, и перед местной властью, и перед партийными органами, и перед своим коллективом. И он отвечал. А что делать?..

Антонина Васильевна Шелепова вспомнила давно забытый факт:

– Сгорели котлы на хлебозаводе. Город остался без хлеба. Губа-

чева вызвали в горисполком и сказали: лучших сварщиков, лучших ремонтников ты срочно командируешь на хлебозавод. Это сейчас важнее, чем твои блоки. И он, конечно же, отправил на аварийный объект лучших специалистов, которых называют «золотые руки». Сургутяне даже не заметили перебоев с хлебом, потому что наши специалисты все сделали быстро и качественно.

Со временем хозяйственных забот у директора ГРЭС поубавилось. Объекты соцкультбыта, совхоз «Юганский», а также жилой фонд, составлявший более 600 тысяч квадратных метров, обрели других хозяев. Энергетики стали заниматься практически только выработкой энергии.

Умение работать с людьми к Губачеву пришло не сразу. Прошел не один сложный год, пока он ощутил реальные результаты своего труда. Проявились они в уважении окружающих, в том, что сложился сплоченный коллектив людей, поистине болеющих за свое дело, умеющих радоваться друг за друга, способных подставить плечо в трудную минуту, поддержать человека в человеке. И еще понять: в работе руководителя самая высшая мера ответственности – терпение, терпение и еще раз терпение. Умение выслушать, пропустить через себя все, с чем пришел к тебе человек, помочь и... не ждать благодарности, хотя она и раскрашивает нашу жизнь в теплые тона.

Были в его практике и весьма двусмысленные ситуации. Однажды, делая вечерний обход по станции, в одном из кабинетов обнаружил застолье. Коллектив отдела праздновал день рождения своего сотрудника. Распитие спиртного на рабочем месте не приветствуется во все времена. У энергетиков – тем более. Но и юбилей не каждый год бывает у человека. Естественно, присутствующие испугались, едва ли не в струнку вытянулись. Губачев понял состояние нарушителей режима ГРЭС, вошел в положение. Пить, конечно, не стал, но для именинника сыграл на гармошке мелодию популярной песни и предупредил на прощание: «Заканчивайте». Вроде бы и скандала не было, но больше подобного не повторилось.

По разным поводам приходилось встречаться с сотрудниками станции. Но каждую проблему Губачев воспринимал как личную боль. И старался помочь.

– Я к церкви всегда относился уважительно. Поклоны не был, но храм посещал и посещаю. Поэтому, когда был секретарем партийной организации, на этом деле чуть не погорел. Под давлением родителей у нас совершил обряд крещения один коммунист. В советские времена это был нонсенс. И вот меня заставляют: разберись, накажи! Я доказываю, дескать, это их личное дело. Сугубо личное! В связи с этим пришлось пережить неприятные моменты.

В начале девяностых в семье энергетиков зачастila беда. В столярном цехе чуть ли не каждую неделю целая бригада делала гробы. Люди ходили мрачные, работали без настроения, подчиняясь обстоятельствам. Неуютно стало на родном предприятии. Вот тогда-то к директору и пришла делегация во главе с Анной Ивановной Голиковой, женой первого директора станции. Посланцы коллектива попросили освятить станцию. Губачев понял страх людей и согласился. На ГРЭС-1 приехал Отец Зосима со своими церковнослужителями. Все объекты они освящали двенадцать часов, шесть бидонов со святой водой потребовалось для этого, но коллектив успокоился. С тех пор на здании висит табличка, что станция в 1992 году освящена Свято-Никольской церковью.

Из дневниковых записей В.Г. Губачева. Памятная хроника

– День Энергетика. Председатель профкома Гурин вручает приз – живого петуха.

– Установлены барельефы первому директору Сургутской ГРЭС Голикову и главному инженеру проекта Глухову.

– Цеховые фестивали трудовой славы. Условия – 50 % коллектива – участники хора.

– Хоккейная команда Сургутской ГРЭС (капитаны Шмарин и Драчев) участвует в первенстве России.

– К 8 Марта выдавали в цеха продукцию своих теплиц, карпового и подсобного хозяйства совхоза «Юганский».

– На базе стенных газет создана своя многотиражная газета «Энергия Севера». Пустили свою типографию.

– Свято-Никольская церковь освятила Сургутскую ГРЭС-1.

- Народная дружина ГРЭС-1 – лучшая в городе. Командир Подкорытов.
 - Руководитель духового оркестра Сургута Санин написал «Гимн Сургутской ГРЭС-1».
 - Создан молодежный ансамбль. Руководитель Божко.
 - Показательные выступления юных фигуристов. Более ста человек. Каток готовил Воронцов.
 - Показательные выступления авиамоделистов. Руководитель Зюляркин.
 - Выставки: резьба по дереву – Гурин, живопись – Корнилов, фото – Левченко, детские рисунки.
 - Учрежден звание «Ветеран Сургутской ГРЭС-1».
 - Энтузиасты, любители садов и огородов Прохоров и Калугин создали первый в Сургуте дачный кооператив.
 - У старого ДК первая новогодняя ёлка. Гирлянды и игрушки делали по цехам. Плясовую музыку на магнитофон записал Лежбинин.
 - Ильинский сконструировал плуг для нарезания дёрна. Тяга – двое крепких парней. Во внеурочное время дёрн укладывали в поселке и на ГРЭС-1, где был один песок.
 - Серебряников с группой комсомольцев взяли шефство над школой-интернатом в поселке Аган.
 - Александр Масляков ведет передачу из Сургута «А, ну-ка, девушки».
 - Местные театры Груздев и Марченко поставили на Сургутской сцене оперетту «Сильва».
 - Заготовили 600 тонн сена для совхоза «Юганский».

Владимир Георгиевич, по мнению сотрудников, «с утра задавал жизненный тонус окружающим». Атмосфера добропорядочности, созданная в коллективе, помогала чувствовать себя комфортно. Губачев был уверен: станция – это семья, семейная ячейка всей энергетики. Не просто место работы, но часть жизни людей, обслуживающих очень сложное оборудование. Причем, большая часть. Ему удалось практически всех удержать в памяти поименно. И понять основное: если к человеку относиться хорошо, то и техника будет работать нормально, без сбоев.

Именно поэтому всегда, на всех уровнях власти убеждал: «Надо создавать нормальные условия труда и быта! И не позже, чем... сейчас! Сколько же лет можно сидеть в балках и мечтать о светлом будущем?!» И делал все от него зависящее, чтобы люди жили лучше, комфортнее.

Несколько лет спустя он сказал:

– У ГРЭС-1 есть две составляющих: одна – непосредственно электростанция – оборудование, которому нужен своевременный уход и ремонт. Вторая, не менее важная – никем не заменимое богатство – люди... Добрые, мужественные, люди высокой пробы, высокой ответственности перед делом своим, скромные и честные. Им тоже необходимо внимание, умение выслушать и помочь. Эти два фактора – равнозначны.

Глава пятая. ВРЕМЯ ИСПЫТАНИЙ

*...Есть светлая участь благая:
Трудиться в безвестной глухии,
В любимое дело влагая
Энергию рук и души.*

*Поймешь, поднимаясь все выше,
Что в явь обратился твой сон,
И вдруг удивишься, услышав,
Что подвиг тобой совершен!*

Сергей Попов

13.2.98

Лучшие представители ОАО «Тюменьэнерго»

Самая крупная в мире

Первые годы восьмидесятых были особенно напряженными в работе Тюменской энергосистемы.

Серьезный разговор

Имеющихся мощностей по-прежнему не хватало. Передача электроэнергии по двум высоковольтным линиям 500 кВ из Уральской энергосистемы была на пределе устойчивости. А Правительство и Госплан СССР ставили все более грандиозные задачи: в короткие сроки обеспечить надежное и бесперебойное электроснабжение нефтяных и газовых промыслов, а также других объектов народного хозяйства на Урале; теплоснабжение городов, объектов стройиндустрии. Требовалось строительство еще одной станции – более современной и мощной. В мировой практике уже использовались газовые турбины. Но Госплан запрещал закупать импортное оборудование. Поэтому было принято решение о срочном строительстве Сургутской ГРЭС-2 с шестью блоками единичной мощностью 800 мегаватт. Этой задаче были подчинены все имеющиеся ресурсы.

Начальник главка Иван Григорьевич Каштанов принял решение: создать объединенную Сургутскую ГРЭС с подразделениями

на блоки 210 и 800. Ее директором назначили Владимира Георгиевича Губачева. Главным инженером станции ГРЭС-2 – Юрия Васильевича Румянцева. По этой схеме работали до ввода пятого энергоблока. Таким образом, комплекс первого энергоблока стал главной заботой в коллективе объединенной станции. Для работы с подрядными организациями переключились отделы капитального строительства и оборудования, а также эксплуатационный персонал цехов первой станции.

Вся инфраструктура, созданная для ГРЭС-1 в Сургуте, была переориентирована на обеспечение формирования нового коллектива ГРЭС-2. Подобному решению ни в то время, ни в последующие годы аналогов не было и нет. Да вряд ли уже будет. Страна другая, энергетическая система иная, люди другие.

Экзамен на ответственность

Мы начнем этот раздел нашего документального повествования воспоминаниями Нины Ивановны Ананиной, бывшей в те годы главным бухгалтером Сургутской ГРЭС-1, ныне пенсионерки:

– Конечно, ему было непросто руководить огромным предприятием. Тем более что начало его работы здесь оказалось не просто трудным, но и стало великим испытанием на прочность характера. На умение сходиться с людьми, понимать и принимать их со всеми недостатками и достоинствами, а также основательно знать всю станцию, взаимодействовать с властными структурами. И главное – добиваться высоких результатов в эксплуатации наших объектов энергетики.

С главным бухгалтером
Ниной Ивановной Ананиной

На время его руководства выпало одновременное строительство сразу двух станций. В начале 80-х годов интенсивными темпами уже шло строительство ГРЭС-2. Приходилось выбивать финансирование, причем, огромное! Необходимость в этом надо было доказывать на всех уровнях. Конечно, в основном доказывал он, а я помогала ему доказательными цифрами, аргументацией. Но при всех возникающих неурядицах, отношения у нас были нормальные. Мы находили общий язык.

К тому же нужно было грамотно перераспределить кадры, чтобы не оголить ГРЭС-1. И он сделал это мудро, тактично, без особых эксцессов. С каждым годом работы добавлялось, требовались материалы, оборудование, ремонты... И за все отвечал он. А ведь у нас еще была подшефная школа, пять детских садов на балансе, огромное жилищно-коммунальное хозяйство, мы имели свои жилые дома, профилакторий, собственную типографию, содержали совхоз «Юганский»...

ГРЭС-2 строилась такими темпами, что побила все рекорды, ранее принадлежащие ГРЭС-1. Приоритет максимального сокращения пускового шага сибирских «восьмисоток» стал принадлежать ГРЭС-2. Рабочие чертежи выдавались прямо с кульмана на площадку сборки и монтажа. Почти на каждом из них можно было делать надпись: «Применяется впервые на Сургутской ГРЭС-2».

Объединение станций в единый хозяйствственный механизм на первом этапе строительства позволило не только досрочно вводить в строй блоки-«восьмисотки», но и накопить опыт «конвейерного» их сооружения за 8–9 месяцев.

– Сложность состояла в том, что было организовано три руководящих структуры: для Объединенной Сургутской ГРЭС, для ГРЭС-1 и для ГРЭС-2, – вспоминает Геннадий Федорович Гурин. – В этот напряженный и ответственный период развития сургутской энергетики Владимир Георгиевич проявил себя как грамотный, твердый, принципиальный руководитель, умело распределяющий силы и средства для выполнения задач, стоящих перед Объединенной Сургутской ГРЭС.

Актив станции. Конец 90-х годов

С Коганом. Конец 90-х

Встреча на юбилее ГРЭС-2

Юбилей ГРЭС-2. В. Г. Губачёв (слева) и Ю. В. Румянцев

Встреча с ветеранами. 1995 год

С внуком от старшей дочери Натальи

Младшая дочь Оксана

Русский бал,
Рим, 2011 г.

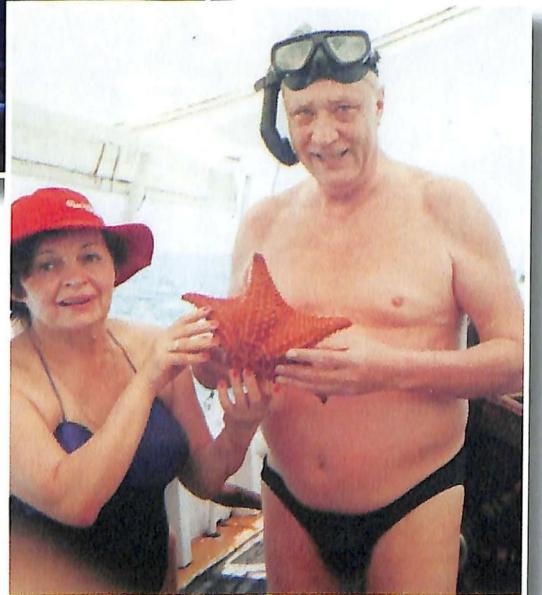
Оксана. Встреча в роддоме

Ханты-Мансийск.
2010 г.

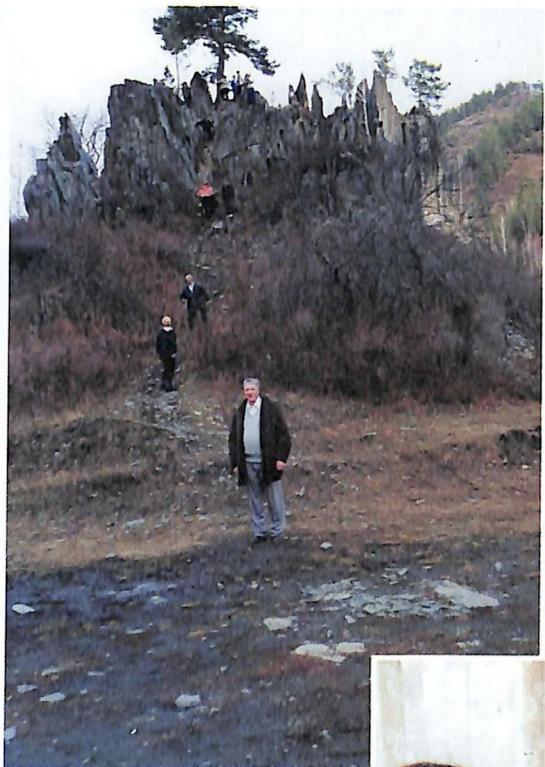

Мы счастливы

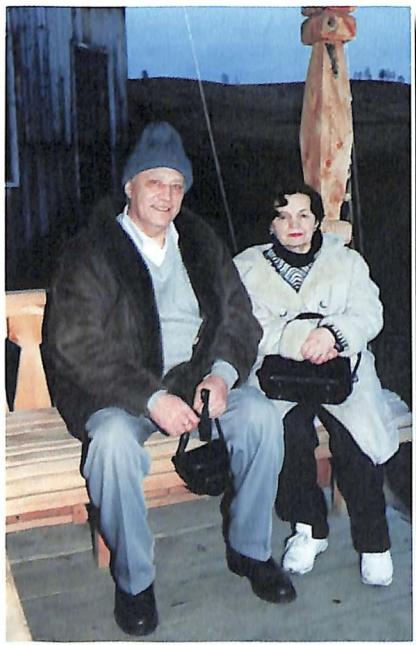

Зарубежная поездка,
середина 90-х годов

Италия.
Середина 90-х годов

Отдых на даче

Кисловодск. 1996 год

Ростов-на-Дону. 2006 г.

Директором ГРЭС-1 Губачев стал в 1981 году. В это время пускали её третью очередь, и тут же начали разворачиваться работы на строительстве ГРЭС-2. Кадров не хватало, не было жилья. Тяжело с транспортом... Вместе со всеми Владимир Георгиевич работал по 12 часов и более. Об этом периоде он рассказывал:

— Оборудование разгружали между турбинами станции. Сейчас это никому даже в голову не придет. Инспекция обязательно бы закрыла объект. А тогда мы работали в очень стесненных условиях. Где разгружали, там и делали предмонтажную ревизию, входной контроль качества. Объединение станций решало многие задачи. Наличие единого парка запасных частей, оборудования и ремонтной оснастки позволило снизить сверхнормативные запасы, поскольку имелась возможность действовать по производственной необходимости, а не исходить из ведомственных интересов, как это нередко случается.

К тому же, были созданы единые отделы: производственно-технический, труда и заработной платы, бухгалтерия. Объединили цеха топливоподачи, гидротехнический и другие. Все это значительно сократило расходы на управленческий аппарат.

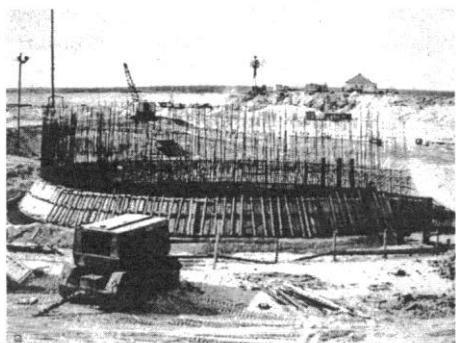
Для специалистов новой станции выделили несколько кабинетов в инженерно-бытовом корпусе ГРЭС-1. Кадры переводили «залпом». Я помню, подписывал приказ о переводе сразу 74-х человек. И кадры-то все ценные были, которые умели работать с монтажниками, со строителями. Это было больно, ведь на первой станции все оголялось... А ответственность была по-прежнему огромная! Обязанности перераспределяли между оставшимися работниками. Очень сложно жилось...

Специалистов, которые хорошо знали блоки 800, пригласили с других станций. Они и повели инженерную часть стройки, а затем стали ее эксплуатировать. Выходцы с ГРЭС-1 «тянули» монтажную, строительную линии. Было дело, и ругались, и спорили, и дым коромыслом стоял в кабинетах. Но такой тандем позволял идти вперед, разрушая все представления о сроках и нормативах в энергетике.

Великим счастьем переполнились сердца, когда появилась первая колонна на стройплощадке ГРЭС-2.

– К тому времени управляющим трестом Запсибэнергострой был назначен талантливый руководитель Владимир Степанович Викулов. Он приехал к нам из Норильска в 1983 году, имея за плечами богатый опыт. Правда, первые совместные совещания у нас проходили, как говорится, «на взводе». Он не мог принять явный приоритет эксплуатационников в подготовке и проведении пуско-наладочных операций. (В Норильске пусковые вел не директор комбината, а начальник треста).

«Вы нас в рабов хотите превратить, погоняете, указываете! Не бывать этому!» – горячился Викулов, забывая, что до его появления здесь энергетики в тесном содружестве со строителями успешно сдали три очереди Сургутской ГРЭС-1. Но вскоре понял, что мы до его прихода всегда шли в ногу со строителями, были партнерами на равных. Постепенно на стройке укоренилось мнение, что с выходом на площадку эксплуатационников возрастают темпы и напряжение в работе.

И вновь самым сложным был первый блок. Главным проектом предусматривался единый технологический комплекс, куда входили обширные водохранилище, мазутное хозяйство, единая служба пожаротушения, эстакады, дороги и т.д.

Экзамен на ответственность приходилось сдавать не один раз. И директору, и всем, кто трудился рядом.

К примеру, строили котельное отделение первого корпуса. Уже поставили шесть осей. Надо былоставить мостовые краны, а они не проходили! Выяснилось, что корпус оказался на 200

миллиметров ниже положенного! Всух об этом боялись сказать. Трагедия...

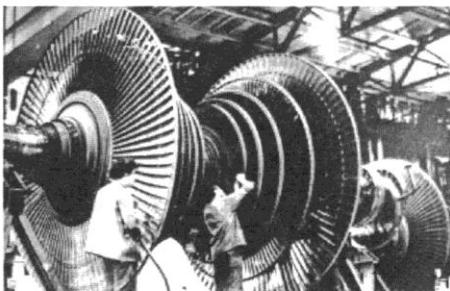
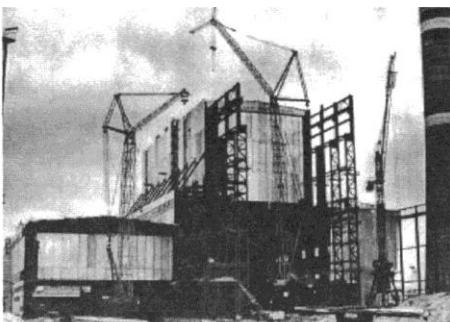
— Помню, Глухов — главный инженер проекта, Коно-пленко, Луцюк — закрылись где-то в «бункере», долго обсуждали и вынесли решение, суть которого я до сих пор не понял, но они подняли корпус! За неделю подняли! Поэтому шума никакого не произошло. Ни в ЦК КПСС, ни в Совмине ничего не узнали. Это было очень важным в то время — не поднять шума.

А вообще упущений много было и в те годы. Пока железную дорогу строили, все грузы шли баржами по реке, кранами разгружали. На причальной стенке постоянно что-нибудь топили. То ветер помешал, то застропили слабо...

На рабочем уровне мы общались с секретарем ЦК КПСС Владимиром Ивановичем Долгих. У меня была с ним прямая связь. Он был очень интересным, строгим человеком. Даже элемента неправды не терпел. Поэтому я ему все откровенно докладывал. И Долгих меня неоднократно выручал. В Таганрог ездил со мной за трубами, чтобы ускорить их дополнительную поставку взамен тех, что утопили в Оби. В Москве, чем мог, помогал.

Как не просто растут гиганты *Зарубки на полотне памяти*

Январь 1984 года — началась заливка фундамента под первый турбогенератор. Уникальность этого монолита состояла в том, что в течение пяти дней предстояло уложить пять тысяч кубометров

бетона. Так называемая «плашка» была на устах всего города. Задание было выполнено за 4,5 суток. Стало ясно: стройка готова для серьезных дел.

16 февраля 1984 года – поднята на 72-метровую высоту первая 200-тонная хребтовая балка подвесного фундамента котла. Она была увенчана красным флагом.

По всем энергетическим нормативам требовалось, чтобы каждый турбогенератор проходил стендовую обкатку на заводе-изготовителе. В ходе строительства первой турбины для блока-800 выяснилось, что Ленинградский завод, где выпускался турбогенератор, не готовился к его стендовым испытаниям. В Министерстве энергетики СССР знали о создавшемся критическом положении, но навязать свою волю и заставить сургутян брать оборудование, не прошедшее испытание, не посмели. И поступили так, как практиковалось: весь риск переложили на плечи директора станции Губачева, послав его в Ленинград, чтобы «урегулировать» проблему. И он поехал. Тогда Владимир Георгиевич еще не знал, что не директорское это дело. Вопрос должен был решаться на уровне не ниже двух министров!

– Приехал на завод. Начали меня там обхаживать. В гостиницу поселили по тем временам просто роскошную. Директор завода шляпу передо мной снимает, все показывает, обо всем рассказывает. Я думаю: что такое, елки-палки... А он мне: «Турбина обкатку не прошла». – Ну и что, говорю, особенного? Поставим на фунда-

мент, пар дадим и обкатаем на месте. Если турбина не пойдет, то по вашей вине. Если пойдет, – то «Ура!».

– Подпишете такой документ? – спрашивает осторожно.

– Конечно, подпишу!

И подписал: «Стендовые испытания провести в условиях электростанции». Страна-то одна. Чего бояться?

А ведь до этого два мини-

стерства столько времени «стояли на ушах», не знали, как выйти из положения.

Вернулся в Сургут, Давыдовский пришел в ужас:

– Ты понимаешь, какой документ подписал?

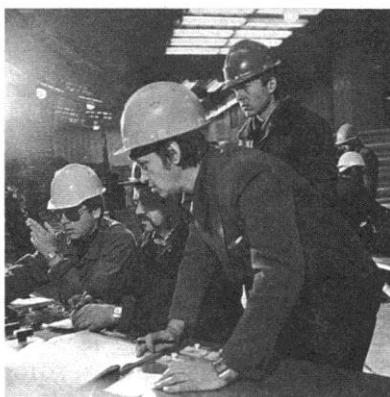
– Ну, если я не уполномочен, а подписал, значит, подпись не действительна, – отвечаю спокойно. – Блок-то все равно пускать надо.

И стали пускать.

Котел для первого блока был еще не готов, отставали тепломонитажники. Чтобы выиграть время, специалисты-энергетики внесли смелое и грамотное предложение: протянуть паропровод и паром от третьего котла ГРЭС-1 (он находился в плановом капитальном ремонте), привести в движение первую турбину ГРЭС-2, пусковой период которой весьма длительный. Пока турбину будут «обкатывать», там и котел достроят. Губачев, как директор Объединенной Сургутской ГРЭС, взял на себя и эту ответственность. Таким образом, стендовые испытания турбины были проведены от «чужого» котла. И вполне успешно! На пуске первенца был выигран еще один месяц. Казалось бы, можно ожидать похвалы, да не тут-то было. «Авантура!» – сделали заключение в заметке, подписанной группой работников Уралтехэнерго, напечатанной в газете «Правда» сразу после испытаний.

– Мы рапортуем, что блокпущен, а люди от стыда глаза опускают, – рассказывает Владимир Георгиевич. – Рассвирепевшему Давыдовскому тогда удалось на высшем уровне доказать, что решение принято нестандартное, но логичное! Особого риска здесь не предвиделось. Газета перед нами извинилась публично.

Подобных рискованных ситуаций в пусковые периоды происходило немало. Характерным в них было одно – люди брали на себя то, что поддается правильному техническому инженерному расчету, оправдывается временем. Рисковали… разумно.

Пуск первого блока ГРЭС-2

— А вообще, мне верили. Не по всем, а по каким-то проблемам я стал доверенным лицом министра. В тех обстоятельствах это было необходимо. Ведь здесь работало пять трестов, каждый руководитель — мэтр в своем деле. Необузданные авторитеты! И свыше 50 подрядных организаций. Попробуй их состыковать мирным путем?! Только силой власти приходилось делать другое. Слушал и принимал решение: «Запишите: ты — сделаешь то, ты — сделаешь это. Быть посему. И не спорьте!».

Записывали решение, и никто не мог перечить, потому что у меня полномочия были министра, к тому же я был доверенным лицом ЦК КПСС. При таких обстоятельствах, кто «вякнет», тому не поздоровится. Поэтому ворчали, что несвойственную работу поручаю (мусор строительный никто не хочет убирать), но волевым решением заставлял выполнять задуманное, запланированное, предписанное.

Должен заметить, что директора Сургутской ГРЭС назначал министр по согласованию с ЦК КПСС, обкомом и окружкомом партии.

Несмотря на сверхзанятость, связанную с пуском энергетического гиганта, Владимир Георгиевич никогда не забывал о семье.

Елизавета Губачева

Из воспоминаний Елизаветы Александровны, жены:

— О своих делах на станции он рассказывал нам, как повесть — увлекательно. Мы сидели, ужинали, слушали, раскрыв рот. То есть мы с девочками постоянно жили жизнью станции. Конечно, всего он до нас не доводил, но все важное, любопытное, даже смешное, что живо касалось его лично, в доступной форме (даже для детей) рассказывал. И рассказывал очень интересно! Никогда не говорил о неприятностях, которые происходили на работе. Старался оградить от всего, что могло осложнить нам жизнь. Очень редко (в самые сложные времена своей жизни) посвящал меня в некото-

80

рые инсинуации. Но, безусловно, дети об этом не знали.

Из воспоминаний дочери Натальи:

— Как-то мы с девчонками забрались в старый колодец, оставшийся в бывших дворах сургутян. Старые деревянные дома уже начали рушить, а колодцы оставались на пустырях. Детство, увы, руководствуется иными критериями: кто не полезет в колодец, тот — трус. Вот мы и попытались забраться в один из таких колодцев. Папа приехал на очередную проверку домой и, не обнаружив меня, стал бегать, искать. Когда нашел около колодца, испугался, рассердился. Мне, конечно, попало по первое число...

Я вообще бедовая была. Помню, в шестом классе он поймал нас с девчонками с сигаретами.

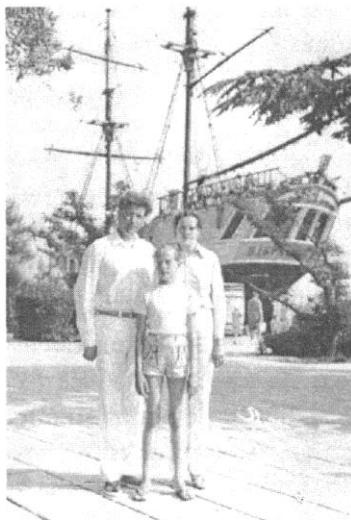
Очень долго и серьезно разговаривал со мной о вреде курения. Тогда я хорошо запомнила, что курение это плохо! Хотя сам отец курил. Много курил. До последнего. Слабенькие сигареты, но курил...

Теперь-то я понимаю, как ему было сложно сочетать такую сложную напряженную работу и контроль за детьми, а потом и за внуками. Понимаю, как он нас всех любил!

...В любые годы папа находил время заниматься с нами. Он и с внуками любил заниматься. Мой сын Алеша ходил в Салаховскую гимназию. Учение там напряженное, сложное, но каким бы уставшим ни при-

Старшая дочь Владимира Губачева

А дочки бровень с мамой поднимаются. Конец 80-х гг.

*Дочь Наталья
с сыном Алексеем*

ходил с работы папа, всегда находил время для孙女。

Каждый вечер мы гуляли всей семьей. Вокруг нашего дома есть хорошая дорожка, мама с папой с одной стороны дома выходили, а я с детьми (Алешей и Славой) – с другой стороны бежали им навстречу... И в снежки играли, и бегали, и просто беседовали.

...Каждые выходные ездили на дачу. Она расположена на другой стороне водохранилища. Там мы и отдыхали, и дружно работали. Мамин отец – деда Саша – еще жив был. Тогда нас больше всего раздражали отдыхающие. Они приезжали по воскресеньям отдыхать, купаться, а мы вынуждены были с ведрами ходить

за водой, поливать и полоть грядки. За нашим забором был другой мир... Но папа с мамой таким образом приучали нас к труду.

Зарубки на полотне памяти

23 февраля 1985 года – первый энергоблок, мощностью 800 МВт включен в сеть. Это событие связано с именами начальника смены электроцеха Н.Г. Анацкого и начальника смены станции Н.М. Кропотова. После проведения комплексного опробования головной агрегат новой станции вошел в строй действующих.

Немало происходило и комического в те напряженные месяцы. На пусковых объектах в то время существовала статистическая организация от министерства, которая собирала сведения по стройкам: сколько тонн бетона привезено, сколько стыков заварено, сколько метров провода проложено... Словом, контроль был жестким: докладывали каждый день, каждый час. И доклады эти должен был делать либо главный инженер, либо директор станции. Уровень – не ниже.

– И мне приходилось докладывать: подали пар, открыли такой-то вентиль, открыли задвижку, турбина начала набирать обороты, вибрация такая-то... В пусковой период в кабинете народу много. Приходили отдохнуть, чайку попить, рассказывал Владимир Георгиевич. – Я Анатолию Семеновичу Конопленко, начальнику Сургутского тепломонтажного управления, говорю: «Толя, так надоело все это!». А он мне и присоветовал: «Ты скажи, что все нормально, только турбина начала в обратную сторону крутиться». Ну, и решил я пошутить. Звонит мне эта девочка. Я ей и доложил обо всем, как Конопленко посоветовал... и положил трубку.

Что тут началось! Нормальный человек – теплотехник – он бы сразу догадался, что турбина не может в обратную сторону крутиться! Дескать, шутят ребята. А тут... девочка... Буквально через несколько минут звонят из главка, из ЦК, из Совмина: что произошло?! Доложить! Объяснить! Как случилось? Почему закрутилась в обратную сторону?

С ума можно сойти... Сам Дымшиц позвонил: «Что у тебя там?!». Я отвечаю: «Ничего. Просто пошутил, брякнул, не подумавши». «Я тебе брякну!» – пригрозил. Но обошлось без последствий.

Напряжение на пусковых операциях доходило до предела. Спать приходилось урывками, некоторые специалисты не выезжали домой по нескольку дней подряд. Тогда телетайпов не было, связь шла через диспетчерскую инженерную службу – ДИС. Чтобы разрядить обстановку, однажды один из специалистов – Валерий Горяйстов, начальник смены станции, решил развеселить коллег. И вот на стол директора ложится телефонограмма: «Приказ: срочно вывезти дымососы. Целую. Каштанов».

– За что же меня целует начальник главка, думаю. Вот, юморист. Вторая телефонограмма – опять: целую, Новожилов. Третья – от сотрудника, который задерживался из отпуска: «Целую, Робинович». Думаю, ошалели мужики. Попросил проверить, в чем дело. Выяснили – Горяйстов добавляет от себя приписку «целую». Говорит, чтобы веселее было...

Сургут своим видом, бытом, житейским укладом в то время был непривлекательным. Но приехавших сюда по комсомольским

путевкам, поражали масштабы стройки. Это была большая школа профессионального мастерства, карьерного роста. И школа эта, время от времени, преподносila свои жесткие уроки. Происходило это в основном из-за поспешности в строительстве станции.

В день официального пуска первого энергоблока ГРЭС-2, 22 декабря 1985 года, произошло короткое замыкание, загорелись кабели. Станцию окутал плотный едкий дым. Сильного огня не было, но сотни километров кабелей выгорели. Их пришлось восстанавливать, на что потребовалось дополнительное время. Серьезность положения усугублялась еще одним обстоятельством.

— Тогда такой порядок был: отчитываться в «статистику» за девять дней до окончания года. Конечно, я к тому времени уже подписал все документы о вводе блока в эксплуатацию, их отправили по инстанциям. А тут — пожар!..

Хорошо, что догадался «вдогон» послать телеграмму: снять со статотчета первый энергоблок-800. А что значит по стране «снять блок»? Ведь на него уже рассчитывали!

Народный контроль приехал (я их «народными мстителями»

М. С. Горбачев и сопровождающие его лица на ГРЭС-2

называл), «большие ранги». Доложили в ЦК, что директор Сургутской объединенной ГРЭС занимается приписками в особо крупных размерах. Приписал пуск первого блока-800. Одним росчерком пера я оказался под следствием...

Правительственная делегация во главе с М. С. Горбачевым на ГРЭС-2

Спасла команда: Иван Григорьевич Каштанов, Владимир Иванович Долгих (он уже вторым секретарем у Горбачева работал). Наказать, конечно, наказали, но под суд не позволили отдать. Я очень переживал! Очень...

Зарубки на полотне памяти

9 ноября 1985 года – поставлен под промышленную нагрузку второй энергоблок.

5 сентября 1985 года – объединенную Сургутскую ГРЭС посетили Михаил Сергеевич Горбачев и Борис Николаевич Ельцин. Была дана очень высокая оценка трудовому подвигу энергостроителей и эксплуатационников ГРЭС-2. «Это план ГОЭЛРО в современных условиях», – сказал тогда Горбачев.

Июль 1986 года – готов к пуску третий энергоблок.

25 февраля 1987 года – начал выдавать электроэнергию в единую энергосистему страны четвертый блок ГРЭС-2. Мощность станции достигла 3,2 млн. кВт и стала равной суммарной мощности ГРЭС-1.

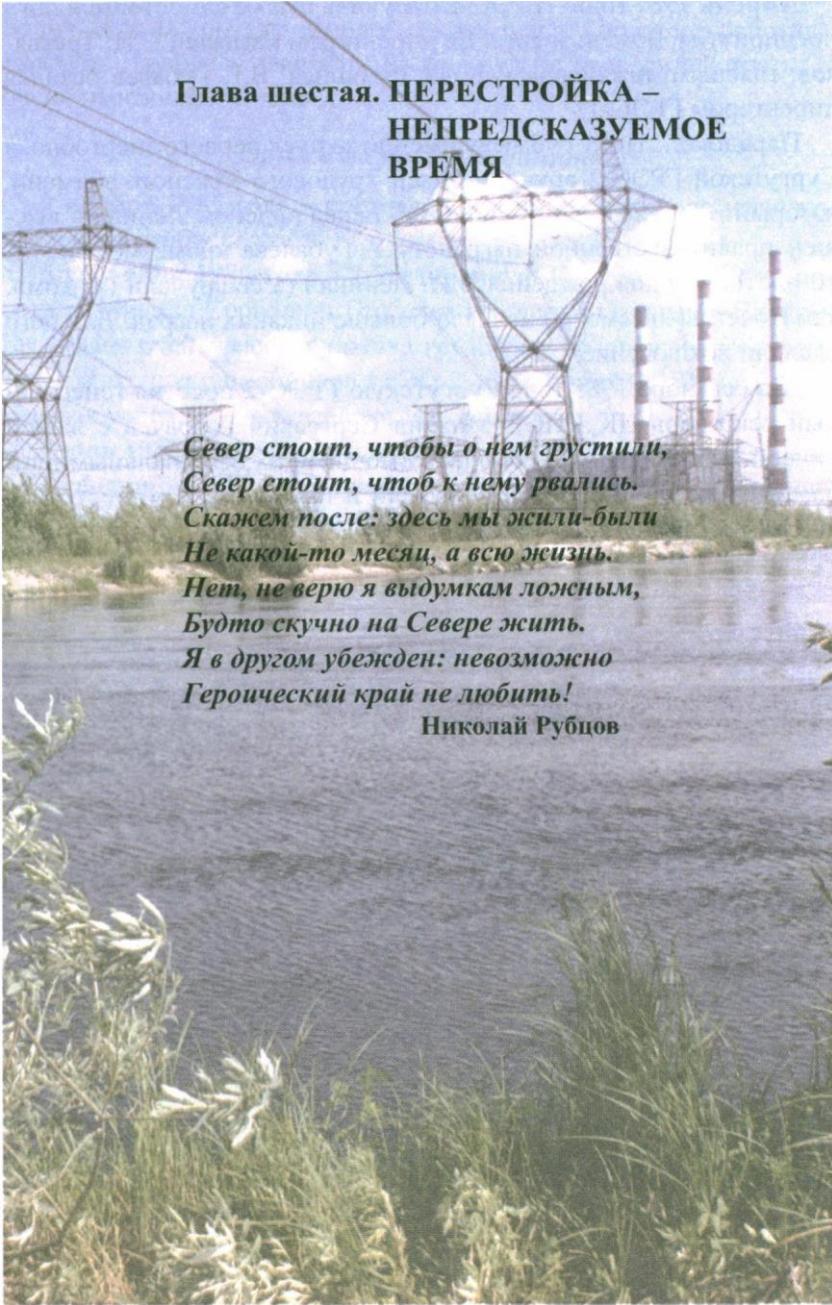

Сургутские ГРЭС-1 и ГРЭС-2

Апрель 1987 года – ГРЭС-2 получила статус самостоятельного предприятия Тюменьэнерго. Ее директором назначен С.И. Третьяков, главным инженером – Ю.В. Румянцев. В.Г. Губачев остался директором ГРЭС-1.

Парадокс... Но... Губачеву именно за пуск первого энергоблока Сургутской ГРЭС-2 вручили орден Трудового Красного знамени, который в табеле о рангах положен перед орденом Ленина – высшей правительственные наградой. У Губачева кроме медали «К 100-летию со дня рождения В.И. Ленина» (а ее вручали «оптом», как Почетные грамоты) не было больше никаких наград. Для него сделали исключение.

А в сентябре 1985 года Сургутскую ГРЭС-2 посетил генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев с женой Раисой Максимовной и сопровождающими их официальными лицами. Впоследствии здесь побывали и премьеры, и министры, и поэты, и артисты...

Глава шестая. ПЕРЕСТРОЙКА – НЕПРЕДСКАЗУЕМОЕ ВРЕМЯ

*Север стоит, чтобы о нем грустили,
Север стоит, чтоб к нему рвались.
Скажем после: здесь мы жили-были
Не какой-то месяц, а всю жизнь.
Нет, не верю я выдумкам ложным,
Будто скучно на Севере жить.
Я в другом убежден: невозможно
Героический край не любить!*

Николай Рубцов

Из дневниковых записей В.Г. Губачева:

«Еще четыре блока нужно ввести на третьей очереди ГРЭС, а на наш коллектив возложены функции заказчика по строительству новой, более мощной электростанции – ГРЭС-2. Пять блоков по 800 МВт строились, пускались и осваивались единым составом, под единым руководством. Вся техническая база, инфраструктура, кадры, опыт были направлены на сооружение ГРЭС-2. Это был качественно новый этап в биографии нашего коллектива.

1986 год. Произошло разделение Сургутской ГРЭС на два предприятия: ГРЭС-1 и ГРЭС-2. Было трудно, очень, очень трудно! Но была гордость созидания. Жили не богато, но душа пела!»

Постижение трудных истин

После разделения режим работы на первой станции стал стабильнее. Но предыдущая длительная и напряженная работа не могла пройти бесследно. Оборудование, верой и правдой отслужившее российской энергетике почти в запредельном режиме, не может равняться с лучшими отечественными и зарубежными образцами. В результате длительной интенсивной эксплуатации кроме морального следует уже серьезно констатировать и факт физического износа.

Голова по этому поводу заболела не только у директора станции. Беспокойство стали проявлять администрации области, округа, города. Нашли вариант реконструкции – использование новейших достижений мирового газотурбостроения. Но... пока все уперлось в средства, которых за последние полтора десятка лет так и не нашли.

Из воспоминаний Геннадия Федоровича Гурина, начальника штаба гражданской обороны Сургутской ГРЭС-1:

Объединенная Сургутская ГРЭС, выполнив свою стратегическую задачу, разделилась на две электростанции. Губачев вновь возглавил ГРЭС-1.

В этот период начались политические изменения и шатания в стране – перестройка. Завтрашний день был непредсказуем и

мрачен. Но Владимир Георгиевич твердо верил, что энергетика – «страна тепла и света» была, есть и будет во все времена.

«Прорвемся!» – это был девиз Губачева.

В марте 1988 года меня перевели работать в должности начальника штаба ГО Сургутской ГРЭС. С этого времени Владимир Георгиевич стал моим непосредственным начальником до 1996 года, то есть, до моего ухода на пенсию. В этот период наши отношения были доверительнее, ближе, но до фамильярности и панибратства не доходили.

Задачи гражданской обороны по защите Сургутской ГРЭС ставились перед нами сложные и ответственные, хотя вполне выполнимые. Владимир Георгиевич очень серьезно решал вопросы создания, оснащения и обучения формирований и групп сводного объектового отряда гражданской обороны, состояния и готовности защитных сооружений (убежищ). Особенно уделял внимание формированию и готовности санитарной дружины.

Пережили мы вместе лихие годы смуты, переворотов, смены руководства страны, безденежье, бартерные отношения, дефицит продуктов питания и промышленных товаров, раздел энергетики. Вместе со всем коллективом энергетиков Сургутской ГРЭС-1 Владимир Георгиевич верил, что обязательно «прорвемся!».

Губачев – Руководитель, Энергетик с большой буквы. Оптимист, патриот, жизнелюб.

Перестройка вихрем вломилась в распахнутое сознание людей. Начало девяностых было самым трудным и непредсказуемым временем. И если так называемые годы застоя на сургутской земле были прекрасными своей напряженностью, высотой цели и единством, то в перестроечные – пришлось прорываться через тотальный финансовый бандитизм. Электроэнергия отпускалась потребителям почти бесплатно. Или в долговременный кредит, за который иные так и не рассчитались. В 1997 году Тюменьэнерго была должна больше миллиарда рублей. А долги потребителей электрической энергии исчислялись не одним триллионом!

Из дневниковых записей В.Г. Губачева:

«Коротко о перестройке. Страна ошелела от боли. Люди погружены в бессовестность. Инфляция больше 100%. Деньги не

Оперативка у главного инженера Сургутской ГРЭС-1 С.А. Бахметова

работают. Средневековой бартер. Разрушается промышленный потенциал. Урки от экономики устроили «шабаш». Задача одна – выжисть, найти нишу в рыночных условиях. Руководство ГРЭС-1 принимало нестандартные решения. Главное – сохранить кадры, стабильность в коллективе, своевременно платить зарплату. Мы понимали, что «Человек с рублем» лучше, чем «Человек с ружьем». С благодарностью вспоминаю нашу команду: С.Н. Третьяков, С.А. Бахметов, В.Н. Шувалов, Е.В. Григорьев, О.Д. Селиванов, А.В. Самохвалова, А.А. Подкорытов, В.И. Зюляркин, В.А. Самохвалов, Л.А. Зюляркина, Г.М. Гриб, В.В. Русинов. Это они вывели «Линейный корабль энергетики» – Сургутскую ГРЭС-1 из финансовых и организационных бурь перестройки».

Государевы люди, как уважительно некогда называли энергетиков, стали практически бесправными перед «финансовыми урками» перестройки. Страгетическая отрасль попала в загон. Прекратилось строительство новых электростанций. Прорабы перестройки блокировали атомные энергомощности и теплоцентра-

ли городов. Электростанции оставались без химреагентов, масел, металла, материалов, запчастей. Это было равносильно прекращению подачи топлива.

— Мы должны выстоять! — убеждал тогда Владимир Георгиевич свой коллектив. — Станция вместе со всеми энергетиками отчаянно прорывается сегодня через тотальный финансовый бандитизм. При почти бесплатной электроэнергии для потребителя... В нашей колоде — никаких козырей, кроме доброго имени, нет. Кроме нашего профессионализма, стойкости и терпения.

Сергей Алексеевич Бахметов, ныне директор по строительству «ТЭК Мосэнерго» вспоминает:

— В период перестройки Владимир Георгиевич отказался от проведения на станции выборов начальников подразделений, как это стало модным по всей стране. Обычно выборы такого рода проводили только, когда возникала вакансия на должности, а не при существующем руководителе, как это делалось на других предприятиях. Со свойственной ему рассудительностью он убедил всех, что выборы при «живом» начальнике — это дурь! Причем, делал он это, несмотря на соответствующее указание, спущенное с самых «верхов».

*На оперативке у главного инженера
Сургутской ГРЭС-1 С.А. Бахметова*

Надо прорваться? Прорвемся!

У поколения подвижников, к которому принадлежал Губачев, была и есть своя мера в жизни. Они были одержимы. Житейский и профессиональный узелок затягивался на их судьбах не просто. Поэтому главным девизом в трудных ситуациях было всем известное губачевское «Прорвемся!».

Высоконравственно повел себя в то время коллектив, сложившийся при его участии. Те самые романтики, которые приехали сюда, чтобы дать людям тепло и свет, теперь частенько работали в авральных ситуациях. Одни – в самый критический для ГРЭС момент круглосуточно вели работы на котлоагрегате и вместо 20 дней по графику уложились в пять суток. Другие – под нагрузкой устранили течь водовода и предотвратили серьезную аварию... В этой сложной обстановке энергетики проявили солидарность в отношении друг к другу. Смогли не только выжить, но и сохранить свои традиции, заложенные в былые годы.

Чего стоило Губачеву пережить все перестроочные моменты, знают немногие. Даже супруга, Елизавета Александровна, говорит об этом неохотно:

Отчет перед новым руководством ОАО «Тюменьэнерго»

– Самое тяжелое – когда москвичи с солдатами «брали» «Тюменьэнерго». По-другому не скажешь. Приехали с оружием и выставили охрану по этажам здания. Для него это было очень тяжелое время! Представьте, люди в полосатых майках, как матросы в революцию, стоят с оружием в руках... Это – страшно. И это очень сильно подорвало его здоровье, он очень сильно переживал. Не только он, конечно, для всех, кто работал на станции, захват «Тюменьэнерго» стал страшным событием.

Без особой помпы, скромно, но со вкусом отметил в те годы коллектив выработку 500-миллиардного киловатт-часа электроэнергии. В актовом зале собирались свободные от работы специалисты. И директор Губачев, как всегда, нашел для них и красивые душевые слова, и выразительные сравнения, и передал чувства благодарности за все, что ими сделано.

– 500 миллиардов – это много, – говорил тогда Владимир Георгиевич. – За годы войны вся страна выработала столько электроэнергии, чтобы победить фашизм. А второе – в этих цифрах заложен смысл жизни многих поколений людей, которые построили эту станцию и стали ее эксплуатировать. Это была эпохальная стройка, котораяозвучна с Турксибом, Комсомольском-на-Амуре,

Вручение почетных грамот

Самотлором, Медвежьим газовым месторождением. В свое время ее называли электрическим мостом Западной Сибири, ее энергетическим сердцем. Сейчас таких красивых слов не употребляют, но значимость нашего предприятия от этого не снизилась. Мы эти эпитеты оправдываем и сейчас.

Мне приятно, что на станции существует преемственность поколений, что теперь в цехах рядом с родителями работают их дети, будут работать и внуки. Уверен!

Лицо Владимира Георгиевича в эти минуты светилось особым светом благодарности и гордости за своих коллег. За то, что даже в самые критические моменты жизни государства российского они не изменили своему кredo и продолжают нести напряженную вахту.

Что же касается проявления принципов преемственности в собственной семье, то обе его дочери работали тогда на станции. Старшая – Наталья – математик отдела АСУП, младшая – Оксана –

Семья Губачевых

кандидат экономических наук, начальник планово-экономического отдела. Надо ли говорить, что спутница всей его жизни – Елизавета Александровна – тоже энергетик. Она в то время занимала должность заместителя начальника отдела АСУП.

Губачев искренне считал, что энергетик – это не специальность, а образ жизни, связанный с высокой ответственностью, с высоким профессионализмом, с добротой, потому что тепло и свет могут давать только добрые люди. И добавлял к сказанному:

– Самая главная наша традиция – надежность. Мы говорим: надежность оборудования, надежность энергоснабжения, а главный итог – это надежность персонала. Есть такой термин. Надежность и в характере, и в знаниях, и в отношении к делу.

Вот чем я всегда горжусь и буду гордиться: наш персонал очень и очень надежен!

Надежность обеспечивалась, прежде всего, качественной подготовкой кадров. А эта проблема всегда находилась под контролем директора. При Губачеве была разработана и внедрена новая система подготовки специалистов. Она включала в себя изначально – направление желающих учиться от ГРЭС в соответствующие вузы.

Во время прохождения практики студентов устраивали на рабочие места. Здесь они трудились, овладевали специальностью, получали зарплату. После института у них было гарантированное рабочее место. Жилье, хоть и в «малосемейке», но выпускникам вузов выделялось.

Эффективность такой системы была доказана жизнью.

– Обновление состава – не только новый потенциал станции. Это и ее новая жизнь, – был убежден директор. – Ведь ежегодно около пятидесяти молодых специалистов приходят на станцию. В основном это дети наших сотрудников. Постепенно они становятся у руля производства. И это радует. И еще радует, что на станции появилось много ученого люда – кандидатов наук – такого склада специалистов, которые мыслят уже на другом уровне: грамотно, современно.

Мудрые говорят: «Не дай Бог жить в эпоху перемен!» Несколько лет понадобилось, чтобы понять к чему ведут непродуманные

(точнее, надуманные) реформы, во имя кого и чего они затеяны. Еще немало лет пройдет, пока будут получены положительные результаты. В энергетике они в первую очередь проявились в том, что станция освободилась от непрофильных активов. Перестройка вывела и на качественно новые взаимоотношения с партнерами – ранее входившими в состав ГРЭС-1: автотранспортниками, строителями, ремонтниками. Станция перешла на сервисное обслуживание. Произошла смена собственника, который повел свою кадровую политику. Появились акционерные общества. Не сразу и не все новинки перестройки принял директор Губачев.

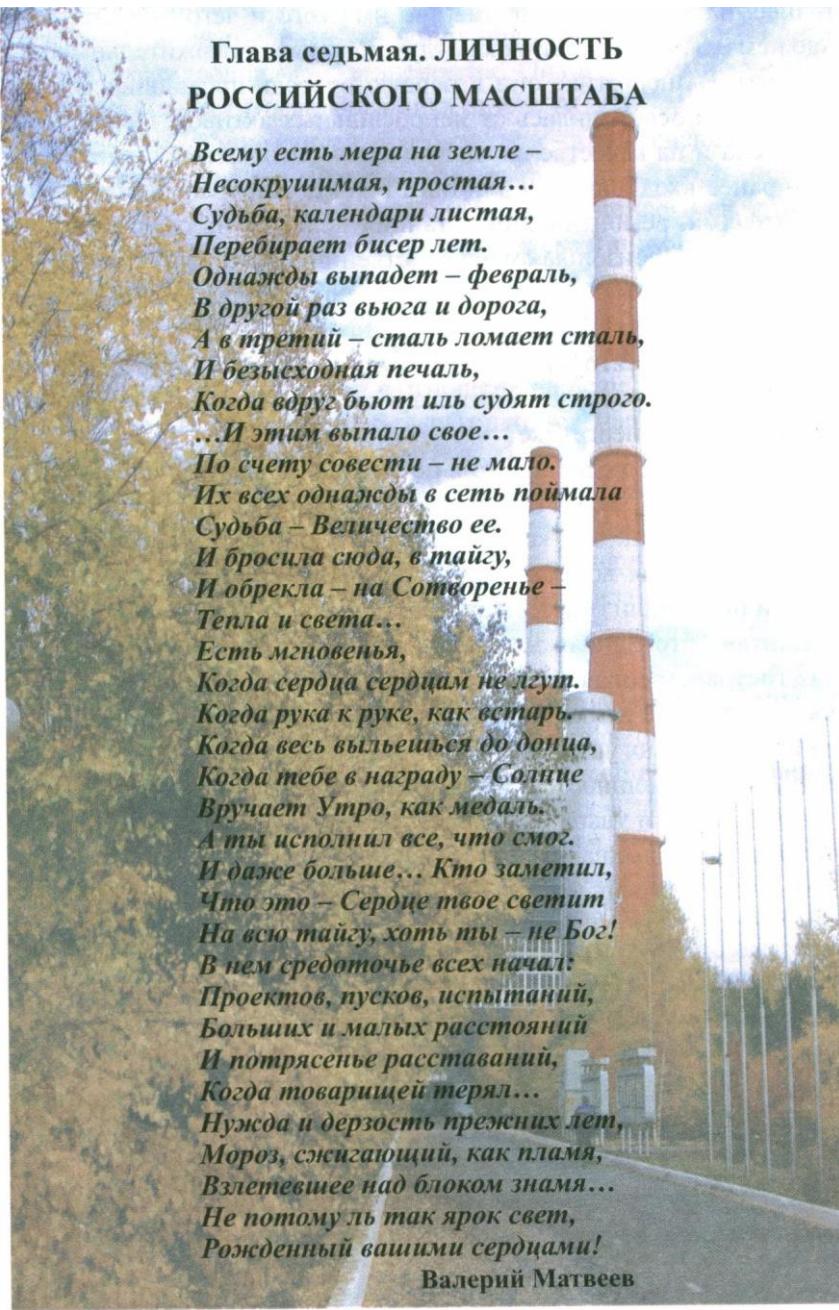
– Идеологи реструктуризации энергетики России не дают ответа на три вопроса: улучшится ли экономичность, надежность, безопасность в энергетике?

Проводимые неоднократно в последние годы изменения структуры управления энергетики в центре и на местах, непродуманная замена и перестановка кадров привели к потере квалификации и организационных возможностей коллективов, поселяли неуверенность и принизили ответственность на всех уровнях управления.

Считаю, что Единая энергетическая система – это стратегическая государственная собственность. Она должна быть в единых руках. Статус её должен быть закреплен законом Российской Федерации, ибо могущество и возможность развития государства определяются мощностью и устойчивостью энергосистемы.

Но... пока вот такое положение, которое, по мнению ветеранов отрасли, не предвещает ничего хорошего.

В голосе – горечь, в глазах – тоска и боль.

Глава седьмая. ЛИЧНОСТЬ РОССИЙСКОГО МАСШТАБА

Всему есть мера на земле –
Несокрушимая, простая...
Судьба, календари листая,
Перебирает бисер лет.
Однажды выпадет – февраль,
В другой раз выюга и дорога,
А в третий – сталь ломает сталь,
И безысходная печаль,
Когда вдруг бьют иль судят строго.
...И этим выпало свое...
По счету совести – не мало.
Их всех однажды в сеть поимала
Судьба – Величество ее.
И бросила сюда, в тайгу,
И обрекла – на Сотворенье –
Тепла и света...
Есть мгновенья,
Когда сердца сердцам не лгут.
Когда рука к руке, как в старь.
Когда весь выльешься до донца,
Когда тебе в награду – Солнце
Вручает Утро, как медаль.
А ты исполнил все, что смог.
И даже больше... Кто заметил,
Что это – Сердце твое светит
На всю тайгу, хоть ты – не Бог!
В нем средоточье всех начал:
Проектов, пусков, испытаний,
Больших и малых расстояний
И потрясенье расставаний,
Когда товарищей терял...
Нужда и дерзость прежних лет,
Мороз, сжигающий, как пламя,
Взлетевшее над блоком знамя...
Не потому уль так ярок свет,
Рожденный вашими сердцами!

Валерий Матвеев

Оценивая сделанное с высоты прошедших лет, понимаешь, что строительство Сургутской ГРЭС позволило создать базу не только для развития нефтегазового комплекса Западной Сибири, но и для того, чтобы сегодня вся Россия могла жить за счет нефтедолларов. Эту уникальную стройку, с дистанцией в пятнадцать спрессованных лет, специалисты считают неповторимой ни в финансировании, ни в проектировании, ни в темпах строительства. В этом факте сконцентрирован удивительный сплав труда десятков тысяч людей. И среди них, начиная с истоков и всегда в авангарде, был Владимир Георгиевич Губачев. Для него энергетика – это вся жизнь, а город, куда он приехал 35 лет назад – Судьба.

Сиянье черт неповторимых...

В Сургуте он человек давно известный. Еще с тех времен, когда, будучи секретарем парткома, депутатом Сургутского городского Совета народных депутатов, принимал непосредственное участие в управлении городом. Ну, а, встав у руля энергетики, надежно повел свой корабль через лабиринты непростого Времени глобальных перемен.

Любую стройку трудно начинать с первого колышка – начального этапа. (Сейчас об этом вспоминается с ностальгией, с легким налетом некоего романтизма). Причем, эти трудности были связаны не только с погодными условиями, с отсутствием тех или иных поставок материалов, оборудования. Они состояли еще и в необходимости выполнения задач, поставленных партией и правительством, в сжатые сроки. Требования были жесткими до предела. За невыполнение – лишение должности. Работать плохо было невозможно! Очень многое уходило жизненных сил. И нужна была какая-то поддержка.

Руководителю станции жаловаться некому. Почему? Потому что подчиненным жаловаться невозможно, а вышестоящему руководству достаточно опасно. Остается жена. Вот она-то и стала настоящей спутницей жизни – Елизавета Александровна. И друг, и опора, и любовь. Она была настолько красивым и внешне и внутренне человеком, что коллеги посвятили ей стихи.

За окном минус 40,
Январский мороз.
Шум турбин – не соловушек пенье...
А у вас нынче праздник
И хочется роз,
Алых роз подарить в день рождения.
Но с цветами сейчас,
Прямо скажем, беда –
Здесь природа у нас не спросила...
Так желаем же вам
Оставаться всегда
Все такой же спокойной и милой.
Сохраните в себе,
Укрывая от бед,
Проявляя души утонченность,
Человеческих качеств прекрасный букет:
Интеллект, простоту, увлеченность.

90-е годы

Из биографии Елизаветы Александровны Филатовой (Губачёвой):

Родилась 20 января 1941 году в семье служащего. Её отец – Александр Васильевич – всю жизнь проработал инженером на УралМашзаводе. Начинал слесарем, а на пенсию вышел главным инженером этого гиганта советского машиностроения.

Мать – Наталья Васильевна – домохозяйка. Воспитывала трех детей: Элеонору, Елизавету и Михаила.

Все дети получили образование: дочери стали инженерами теплоэнергетики. Как и отец, были выпускниками Уральского политехнического института (УПИ). Михаил – стал летчиком, закончив Бугурусланское летное училище. Всю жизнь работал в Тюменской области, принимал активное участие в освоении Западной Сибири, последние годы работал в Тюмени.

Перед ноябрьской демонстрацией

Рассказывает Елизавета Александровна:

– Володя никогда не стремился к богатству. Даже будучи директором такой крупной станции, как Сургутская ГРЭС, не стремился к роскоши. Потому как считал, что ему не должно доставаться больше, чем другим. Всегда был вровень со всеми, обожал людей – мастеров своего дела, рабочих, служащих. На станции очень сложная схема оборудования, там все взаимосвязано, взаимозависимо. Для его эксплуатации требуются большие знания, огромное мастерство. И тех людей, которые умели произвести грамотную наладку, качественно и в срок отрегулировать приборы, отремонтировать оборудование, – он очень уважал.

Все лучшие энергетики предприятия были его друзьями. И здесь и в Серове среди его друзей было много рабочих, которых он богоугодил. Володя никогда не думал о себе, не выставлял напоказ свое особое положение руководителя. То, что имел, тем и довольствовался.

Говорят, чувства проверяют время и обстоятельства. Много было в жизни таких моментов, которые подтверждали прочность их семейного союза. А последний случай поразил даже самого Губачева.

– Большую роль в моей жизни сыграло то, что у меня очень покладистая супруга. – Голос у Губачева потеплел, а в глазах засияли слезы. Но справился с этими внезапно нахлынувшими эмоциями. – Она не ворчливая, столько со мной моталась и все терпела. И до сих пор терпит. Вот, попал я в больницу, мне было совсем плохо. Она все четыре месяца со мной лежала! Врач разрешил. Когда делали операцию (Николай Сергеевич Райков – тюменский хирург), Лиза под дверями стояла. Операция сложная была. А когда я очнулся, Райков говорит: «Все хорошо, только выхаживать тебя долго придется. Терпеливо выхаживать». И она выходила!

Мне врачи сейчас говорят: «Боготвори свою супругу!». А как же я ее богоугодить не буду? Она для меня и нянька, и психолог, и невропатолог...

Современная больница... Те, кому пришлось пройти через ее испытания, знают... Младшего медицинского персонала из-за низких зарплат не хватает. Елизавете Александровне приходилось

выполнять роль няньки не только там, где лежал ее муж, но и в соседних палатах.

В плохой конец он не верил, даже мысли не допускал. Любимым выражением: «Прорвемся!» успокаивал жену. Но не стал возражать, когда Елизавета Александровна пригласила священнослужителя для исповеди.

— Мы остались одни. Мне было так стыдно, но я все свои грехи рассказал... Священник очень серьезно все выслушал. И потом несколько дней они молились за меня в церкви. Говорят, это помогает лучше. И крестик я теперь ношу. Не потому, что крещеный. Просто в больницу перед операцией приходила женщина из церкви и дала мне этот крестик алюминиевый. Я его одел, цепочку серебряную купил, а крестик не менял.

Вспоминает Елизавета Александровна:

— Церковью Володя интересовался всегда. Я заметила это в поездках. Где бы мы ни бывали, везде с большим интересом посещали исторические места, церкви, храмы, костелы... Меня-то в церковь в раннем детстве бабушка водила. А Володя... как только начал выезжать за пределы Свердловска (на молодежные съезды, комсомольские конференции в столицу), старался в кремлевские храмы попасть. Когда ездили на теплоходе по Волге, мы побывали во всех старинных городах, где много церквей. Он не побоялся посещать храмы Божьи, несмотря на то, что был секретарем партийной организации. Не испугался осуждений, и никогда не делал из этого секретов. Видимо, был готов дать объяснения или доводы на самом высоком уровне. С удовольствием рассказывал об архитектуре храмов, показывал фотографии. К тому же, люди, которые нас окружали, друзья, были в высшей степени порядочными. Поэтому неприятностей в отношении религии мы не пережили.

У Володи осталось много религиозных книг. Несмотря на членство в рядах КПСС, сумел понять главное: религия — это не дурман. В ней есть свое зерно, из которого может расти нравственное начало людей. И относился к вере с уважением, пониманием.

В свое время Володя часто встречался с отцом Виктором — первым сургутским протоиереем. С его помощью в трудные 90-е годы тот освятил всю станцию, после чего люди верующие вздохнули с

облегчением, меньше стало смертей среди энергетиков, а значит, горя. С отцом Виктором они довольно много разговаривали, даже спорили. Но все их общение происходило на достаточно высоком уровне, без унизений, взаимных оскорблений и повышенных тонов.

Из досье В.Г. Губачева:

С 23 октября 2001 года В.Г. Губачев – Советник директора Сургутской ГРЭС-1 ОАО «Тюменьэнерго»

В 2001 году Губачев оставил пост директора станции. Проводы проходили в торжественной обстановке. И тогда бывший генеральный директор Тюменьэнерго Артем Биков, по примеру Губачева, назвал Владимира Георгиевича «Путёвым» человеком. Это самая высокая оценка качества.

Вместе с приветственными адресами, Почетными грамотами губернаторов области и округа директору были вручены Золотые знаки Сургута и Почетного консультанта Тюменьэнерго. Тогда же Артем Биков зачитал и приказ:

В день выхода на пенсию

– С целью оказания консультативной помощи в вопросах эксплуатации и ремонта ГРЭС-1 в свете реструктуризации энергетического комплекса приказываю: ввести в штатное расписание должность – советник директора ГРЭС-1. Начальнику ОТИЗ увеличить численность на одного человека.

Назначение в своем роде уникальное...

Частички своих сердец и душ вложили в выступления коллеги. Тепло и искренне звучали комплименты в адрес виновника торжества.

– Рукотворными памятниками останутся наши красавицы – обе станции, – взволнованно говорил вновь назначенный директор ГРЭС-1 Вадим Николаевич Шувалов, который проработал с Губачевым двадцать лет. – Но самое главное – Владимир Георгиевич создал прекрасные коллективы, воспитал толковых руководителей. Во всей его деятельности проявлялся особый дар – дар предвидения. В умении предвидеть ситуацию состоит его мудрость!

Руководителей различного ранга делят на три категории. Плохой – тот, которого ненавидят. Хороший – кого уважают. Великолепный – которому говорят: мы все сделаем сами. Губачева коллектив отнес к третьей категории руководителей. Теперь у многих в словарном запасе его заветное «Прорвемся!» и «Путёвый». И хотя высказали на торжестве комплимент превосходной степени, а за советом все же приходят к нему. Не получается пока: «Мы все сделаем сами».

С 2001 года советник директора ГРЭС-1 Владимир Георгиевич Губачев каждое утро по установленному годами правилу, делал обход. Слушались его, надо честно признать, лучше, чем кого-либо из руководящего персонала. Бродя, как Совесть пришла. Раньше побаивались: все-таки – директор. После – бояться перестали. Стыдно становилось от одного упрека бывшего руководителя: ну, что ж, ты, дорогой, так нерадиво за своим оборудованием смотришь?! Масло течет... пятна кругом... И тогда в ответ звучало оправдательное: «Георгич, все сейчас устранию»... И устраивали.

Губачев – академик Международной Академии реальной экономики, заслуженный работник Минтопэнерго России, ветеран энергетики, Отличник энергетики и электрификации СССР, заслу-

женный энергетик РФ. Он имел 10 (!) печатных статей, две книги. Любил сказки, стихи, советскую прозу. К примеру, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Молодую гвардию» А. Фадеева.

— Если по-честному, с удовольствием читаю! Сейчас эти книги кажутся наивными, но все равно интересно читать, — говорил смущенно.

По большим праздникам собирались вместе вся семья. И тогда в квартире звучали под гитару романсы, крутились диски с бардовскими песнями, которые так любил Владимир Георгиевич. Это всегда была дружная, счастливая семья. Она и теперь таковой остается. Только уже без хозяина. В ней общие заботы и общие интересы, потому что все ее члены — энергетики, совестливые люди, умеющие тонко чувствовать и сопереживать.

Дочь Наталья вспоминает:

— Он любил туристические, студенческие песни, пел романсы. Когда мы собирались (на даче или дома), всегда пели. Обязательно! И по праздникам, и без праздников. Его внук (мой сын) Слава отлично поет. После «ломки» голоса у ребенка прорезался бас. Сын полгода не признавался, что распевается учителя из ансамбля «Светилен». Я удивлялась, что с ребенком: каждый день, якобы, ходит с бабушкой на караоке петь. Узнала обо всем только после Нового года, когда я впервые услышала его в стенах Сургутского университета, где он учился на физико-техническом факультете. Слава там спел песню «Вдоль по Питерской». Концерт был записан, запись размножили, вручили студентам. Сын показал эту запись бабушке с дедушкой. В это время у нас в гостях находились папины знакомые из Пятигорска — Пильгуевы, приехавшие на юбилей Екатерины Владимировны Лоншаковой, директора школы имени Знаменского. Люди продвинутые в музыкальном отношении, посоветовались со специалистами, дали прослушать Лоншаковой. Та убедила нас, что Слава — феномен. Причем, не только для города, но и для России, потому что, оказывается, большая редкость, когда в результате «ломки» появляется бас, потому что бас — это вообще редкость.

Сын поступил в музыкальную школу, под него там сделали расписание, месяца три занимался, а весной принял участие в конкурсе певцов, на который приехали специалисты из столицы, Пите-

ра, чтобы познакомиться с сибирскими дарованиями. Слава этот конкурс выиграл. Профессор из Петербурга посоветовал развивать способности юноши дальше. Убедил, что дар моего сына – большая редкость.

В университете сын учился тогда на третьем курсе, а в музыкальной школе – на втором. За год он успел пройти весь курс по фортепиано. Заниматься ходил к бабушке с дедушкой, потому что у них есть инструмент. Учился с большим удовольствием. Быстро освоил тот объем, который в музыкальной школе проходят за пять лет. На следующий год он снова победил в конкурсе. Ему дали грамоту, денежный приз и предложили пройти прослушивание в столице. Поехал... слушали его в трех институтах. Поступил на бюджет. Теперь учится вокалу в академии имени Попова. В 2011 году мой сын Святослав Мануйлов принимал участие в 60 концертах. Выступал в нескольких странах Европы и Азии.

Думаю, проявилось наследственное. Папа постоянно поддерживал внука. У него самого тоже был бас. Он сожалел, что никто из семьи не избрал своим хобби пение. И вот... такое открытие – редкий бас Славика, внука Владимира Георгиевича Губачева... Если бы это открытие произошло раньше, возможно, мы все жили бы уже в другом мире. В Москве, например...

Когда-то Владимир Георгиевич очень жалел, что не доделал музей, экспонаты для которого собирали всю жизнь. У ГРЭС-1 не было средств, а может просто желанияувековечить для потомков историю создания уникального объекта Западной Сибири. Теперь они вроде бы нашлись...

На этот счет Губачев размышлял весьма своеобразно:

– Я думаю, что когда-нибудь эти электростанции станут памятником... технической безграмотности. Ведь что такое электричество? Грубо говоря, это электрон бежит от плюса к минусу. Вот я спичку зажег, – зажигает спичку. – Что такое пламя? Это электроны бегут в разные стороны. А вы их заставьте из этой точки бежать в эту точку (показывает). Направленно! И вот, чтобы заставить электрон бежать по заданному направлению, строят такие огромные электростанции. Наверное, когда-нибудь человечество решит эту проблему проще.

У Губачева за пределами Сургута не было ни дома, ни коттеджа, ни квартиры. Сургут стал родным и любимым. Гуляя вечерами по улицам города вместе с женой, он любовался фонариками, березовыми аллеями, радовался красивым новостройкам, встречам со знакомыми людьми, которых множество. Здесь отдыхала его душа.

В одном из разговоров Владимир Георгиевич признался:

– Если по-честному, я – человек того времени, советского. А время – это тоже Родина, которую нельзя предавать.

Таково было его жизненное кредо.

Из дневниковых записей В.Г. Губачева:

35 лет Сургутской ГРЭС-1... Это был трудный, но хороший жизненный этап. Главный итог состоит в том, что станция надежно и бесперебойно обеспечивает электроэнергией Западно-Сибирский комплекс – сердце нефтегазодобывающей промышленности.

Ритм её работы сегодня в значительной мере определяет выход экономики России из кризиса, укрепляет мощь страны. Такова цена нашего труда.

Сургутская ГРЭС-1 осенью

И еще несколько штрихов к портрету

Ольга Николаевна Агеева, начальник технического архива Сургутской ГРЭС-2:

«Владимир Георгиевич – уникальный человек, уникальный мужчина, замечательный руководитель! В нем все сочеталось совершенным образом.

Он руководил огромным количеством людей, возглавляя Объединенную ГРЭС. Ведь станция разделилась на два самостоятельных энергетических объекта только в апреле 1987 года. Но даже после этого часто приезжал на ГРЭС-2, потому что без него не могли подписать ни один акт пуска в эксплуатацию блоков. В сентябре 1985 года к нам приезжал Михаил Сергеевич Горбачев с женой Раисой Максимовной. В группу сопровождающих лиц входил и будущий первый президент России – Борис Николаевич Ельцин. Подготовка к встрече проводилась очень тщательно, на плечи Губачева легла тогда огромная ответственность за пребывание высоких государственных деятелей на станции. Он достойно справился со своей задачей.

В другие моменты, когда сюда приезжали министры, представители верхних эшелонов власти, он никогда не работал перед ними, разговаривал легко, грамотно, уверенно. С журналистами любого уровня всегда держался великолепно, говорил просто, выразительно. С ним можно было обсуждать любую тему – не растеряется.

Несмотря на высокое положение, которое он занимал в обществе и в частности на станции, Владимир Георгиевич был общепризнанным среди нас юмористом. Причем, шутил с очень серьезным видом. Умел рассказывать анекдоты. Меня удивляла его манера говорить: с расстановкой, словно обдумывая каждую фразу. Симпатичный, высокий, стройный, интеллигент... К этим определениям можно добавить еще сколько угодно эпитетов.

Помню, на торжественном вечере, посвященном 30-летию пуска первого энергоблока Сургутской ГРЭС-1, Владимир Георгиевич стал центром внимания. А там присутствовало около тысячи человек. К числу достоинств Губачева можно отнести его уважи-

тельное отношение к людям самого разного социального положения. Например, ему было не зазорно поздороваться с уборщицей, вспомнить с ней какие-то жизненные моменты. Меня удивляло, как хорошо он играет на гитаре и поет. Его слушали лучше, чем приезжих звезд. Вот и в тот юбилейный вечер в зале был концерт, а мы вышли в фойе ДК «Энергетик» и слушали в его исполнении народные и бардовские песни, романсы. Получилось просто замечательно! И, знаете, частенько при встрече со мной он вспоминал: «Ну, как твои красные сапожки? Мыши не съели?».

Последняя наша встреча состоялась на пуске двух ПГУ. Это произошло летом 2011-го года. Меня попросили привезти его с дачи. Владимир Георгиевич был уже нездоров, но в родных стенах преобразился. Словно открылось второе дыхание! В музее он разглядывал фотографии, называл всех по именам и рассказывал, кто куда уехал, как и где живет, кого, к сожалению, уже похоронили... Это лишний раз подтверждает, что он со многими имел связь.

Всегда поражала его уникальная память, он знал много стихов и читал их наизусть. Я немного знакома с его семьей, и знаю, какие у него замечательные дочери! Прекрасные внуки. Понимаю, как трудно теперь Елизавете Александровне без такого прекрасного человека, мужа, отца...

Они всюду были вместе, как иголочка с ниточкой: на концертах духовной музыки, местных бардов, приезжих артистов. Он всегда очень нежно, бережно поддерживал ее под руку. Однажды, когда Елизавета Александровна болела, я встретила Владимира Георгиевича в магазине.

– Как вы себя чувствуете? – спросила, ведь наш директор уже сам сильно болел. В ответ прозвучало:

– Это все для моей Лизоньки...

Трепетно он относился к своей жене...

На похороны Владимира Георгиевича собралось много энергетиков. И, знаете, столько печали человеческой я увидела в их глазах! А какие красивые слова звучали, отражая нашу общую светлую грусть и... утрату.

Для меня Губачев навсегда остался символом интеллигентности, символом мужчины, символом того времени, в котором люди

были добрее. Очень жаль, что его нет с нами, жаль, что такие люди уходят так рано!...»

Владимир Яковлевич Глинских, старший инспектор по надзору за объектами котлонадзора:

«Небольшой штрих к портрету. В августе 2011-го года мы вместе проходили обследование. В кабинете флюорографии образовалась большая очередь. Он стоял после меня, терпеливо ожидал вызова. Когда наступил мой черед, я все-таки убедил его пройти на обследование раньше меня. Владимир Георгиевич зашел в кабинку, а люди в очереди зашумели: «Почему пропустил?!». Как же, говорю, это ж бывший директор ГРЭС-1, Почетный гражданин города!

– Впервые видим, чтобы директор и столь заслуженный человек стоял в очереди! – удивились сидящие в коридоре.

Но больше всего меня поразил другой факт: Губачев не побоялся взвалить на себя огромную ношу, возглавив Объединенную ГРЭС. Его заслуги в развитии станций трудно теперь переоценить. Могучий человек был! Великое было время! В котором чистота по-мыслов совпадала с чистотой души, а пульс тысяч сердец бился в едином ритме. Сейчас такого нет. И вряд ли уже будет...»

Нина Ивановна Ананина, главный бухгалтер:

«Знаете, он однажды написал: «Мне очень повезло, что коллегой по труду, добрым наставником и терпеливым советчиком были Вы, уважаемая Нина Ивановна. Искренне поздравляю Вас с юбилеем! Всего Вам чистого и светлого, здоровья и любви, милая и обаятельная Нина Ивановна.

С глубоким уважением. Да хранит Вас Бог».

Вот такими искренними словами Владимир Георгиевич Губачев определил мою роль в своей жизни на станции.

Не скрою, иногда в наших отношениях возникали трения. Я, как главный бухгалтер, не шла на компромисс, и не подписывала какие-то документы. Мы спорили, но споры наши были объективными, доказательными. К чести Владимира Георгиевича мне удавалось доказывать свою правоту. Впоследствии при встречах (я уже вышла на пенсию) он всегда говорил: «Нина Ивановна защищала мою задницу».

Владимир Георгиевич никогда не требовал для себя особых условий. Жил, как все. У него была нормальная семья. Детей своих очень любил. С женой у них прекрасные отношения. Были... Он остался для меня настоящим руководителем, добрым, внимательным человеком. Светлая память о нем сохранится навсегда».

Юрий Яковлевич Матаков, водитель:

«Я возил Владимира Георгиевича с 1999-го года и практически до... конца. При Губачеве текучесть кадров была низкая. Естественно, кто-то на пенсию уходил, на их место принимали молодых. А так... мало кто расставался со станцией в поисках лучшего места. Когда во время перестройки началась свистопляска с кадрами, нефтяники и газовики принимали наших сотрудников на работу без испытательного срока. Одно слово «энергетик» являлось эталоном для определения специалистов высокого класса.

Слесарь-наладчик с большой буквы был другом Губачева. Некоторые удивлялись: директор – и слесарь-наладчик... друзья? Да, друзья! Для него неважно, какую должность занимал человек. Друг есть друг.

Он был безотказным и отзывчивым. В любое время помогал. Кто бы к нему ни обратился.

Лично у меня остался на добрую память его гараж, который я купил по маленькой цене. Просто тогда у меня не хватало денег. Так он мне сказал: сколько есть, столько и давай. Без проблем. А ведь разница в цене была в сто тысяч рублей. В этом факте – добрая память о добром человеке.

Возил его на дачу (мы состояли в одном кооперативе). Владимир Георгиевич гостеприимным человеком был. Даже когда уже не работал официально, постоянно собирали нас семьями: Шмарину, Голикову... У него спина была больная, тяжелого не мог поднимать, поэтому мы таскали дрова и топили баньку, а он готовил шашлыки: мариновал мясо, нанизывал на шампуры, жарил на мангале. Никого не подпускал! Женщины помогали только на стол накрывать.

На природе хорошо отдыхалось, мы выпивали по чуть-чуть, а в основном, пели под гитару. У них с Елизаветой Александровной

это хорошо получалось. У обоих прекрасные голоса. Говорят, он еще на гармошке умел играть, но мне ни разу не выпало удовольствия послушать. Знаю, что гармошка у него была кустарного производства, штучная. Вадим Николаевич Шувалов привез.

Общительным был человеком, со всеми в хороших отношениях. Врагов, думаю, не было. Не слышал. Возможно, завистники были. Но это уже другое дело. А у меня память о нем осталась только добрая».

Галина Петровна Мирзоева, инспектор отдела кадров:

«Мы приехали на Всесоюзную ударную комсомольскую стройку в Сургут с мужем из Азербайджана, во время третьего призыва. Я со школьной скамьи мечтала принять участие в чем-то грандиозном. Свой приезд на Север для себя считаю подвигом. На строительной площадке стояли длинные бараки, в которых жили люди. Добираться туда было трудно...

Директором тогда работал еще Голиков. Муж устроился водителем, я – машинисткой, потом стала секретарем у Василия Григорьевича, а затем перешла в кадры. Это было в 1972 году. Так в кадрах и работаю до сих пор.

Насколько я его знаю, помню, насколько мне приходилось с ним общаться, он всегда был очень обаятельный, открытым, внимательным человеком. К нему можно было обратиться в любое время, всегда выслушает, всегда поймет.

Сотрудникам станции он помогал очень многим. Конечно, частично это входило в обязанности директора. Но в Губачеве подкупало другое качество – любовь к людям. Конечно, у директора всегда много забот: надежное электроснабжение, экономичная работа агрегатов, своевременные ремонты, социальное обеспечение коллектива, но самое ценное – он очень любил людей, поэтому на первом плане у него всегда был человек. Заботился обо всех, как мог: как отец, как брат, как руководитель...

Интересная деталь. У него – юбилей. Обычно в день рождения именинник ждет подарков. Так принято. А Губачев каждому, кого пригласил на юбилей (каждому!) сам сделал подарок. Поэтому у всех, кто там присутствовал, в кабинете висит его картина. И на

каждой он написал хотя бы четверостишие. Лично у меня – тоже. Когда уйду на пенсию, я ее, конечно, заберу с собой. Как все.

Владимир Георгиевич научил меня отношению к людям, к работе. Научил всегда и везде держать себя в руках, никогда не рас slabляться. Даже тогда, когда очень трудно, когда кажется, что нет выхода и некуда деваться. Все, караул! В такие минуты он говорил свою козырную фразу: «Прорвемся! Не переживай!» Это всегда очень помогало.

Он – самый главный мой наставник, и большое ему спасибо за то добро, каким он оделил лично меня и многих других энергетиков».

Борис Кельманович Криворуцкий, инженер-технолог цеха наладки и испытания оборудования филиала ОАО «ОГК-2» – Сургутская ГРЭС-1:

«Для меня Владимир Георгиевич Губачев – образец руководителя, порядочный человек и хороший организатор.

Как директор, умел постоять за электростанцию и за ее специалистов перед вышестоящими организациями. Он не только давал задания, но и четко контролировал их выполнение. Знаете, у него была особая большая тетрадь, в которую он записывал все свои поручения. Когда Губачев проводил совещания, он обязательно записывал в нее, что и кому поручил. И попробуй, вовремя не выполнит! Он всегда говорил: «Вы должны либо выполнять, либо, если у вас не получается, должны прийти и попросить перенести срок, обязательно объяснив причину». Вот эта требовательность и ответственность за порученное на меня произвели большое впечатление. И это я перенял у него.

Вспоминается такая история. В начале 80-х (я тогда был начальником цеха наладки) на станции отключился энергоблок мощностью 200 мегаватт. Работники не разобрались в причине, снова его включили и блок опять отключился. Тогда Владимир Георгиевич собрал всех и сказал:

– Ну-ка, давайте, разбирайтесь, как следует!

После того, как выяснили причину инцидента, Губачев обратился к начальникам цехов так:

– Немедленно проинструктируйте свой персонал, чтобы больше такого не повторилось.

Я срочно собрал работников цеха и провел инструктаж. Буквально через два часа Владимир Георгиевич пришел в наш цех и, пока меня не было, проверил осведомленность всех инженеров. Ну, они-то уже все знали.

Владимир Георгиевич, как говорят, хлебосольный человек. Он любил собирать друзей у себя дома или на даче, при этом стол «ломился» от яств. Причем, значительная часть угощений была приготовлена им самим. Вместе с женой они любили и умели петь под гитару бардовские песни – это всегда объединяет людей».

Александр Геннадьевич Осинов, председатель профкома Сургутской ГРЭС-1:

«Я приехал в Сургут молодым специалистом в 1981 году после окончания Уральского политехнического института имени Сергея Мироновича Кирова. Устроился в цех наладки, где и проработал до 1987-го года, пока не избрали в состав профсоюзного комитета. На том отчетно-выборном собрании меня от профкома включили в Совет предприятия, члены которого занимались различными проблемами – как производственными, так и бытовыми. До этого я знал, что Губачев – хороший директор, умеет всех выслушать и принять правильное решение, но вплотную с ним не сталкивался.

В новой должности пришлось частенько заходить к нему в кабинет, иногда даже спорить. Ругаться с ним было невозможно. Но даже для простого разговора, чтобы отстоять свою точку зрения, нужно было иметь веские доказательства. Мне не раз удавалось его убедить, хотя чаще – он убеждал меня. Потому что Владимир Георгиевич ко всем вопросам подходил с точки зрения законности. И следил, чтобы наши требования и решения не шли вразрез с законом. В этом плане приходилось соглашаться с директором.

Среди характерных черт Губачева была и такая, на мой взгляд, очень важная – он очень хорошо относился к людям, прекрасно знал их, для каждого находил особое слово. При награждении лучших специалистов не просто грамоту вручал, но и говорил о человеке только ему присущее. К примеру, о начальнике отдела

производства Аксентьевой: «О, Татьяна! Вы знаете, это такая спортсменка, как она замечательно в волейбол играет!». Этот – удачливый рыбак, другой – хороший семьянин. То есть, он про людей знал очень многое. Интересовался. Эта черта мне в нем всегда нравилась. Стараюсь быть похожим на него, тем более, что мне, как председателю профкома, это всегда пригодится, поможет и в работе, и в общении. На всю жизнь запомнил его выражение: «Не люблю технических врунов».

В последнее время наши встречи были недолгими. Тем не менее, меня поражала его искренняя заинтересованность, он всегда спросит о самочувствии, о детях, о семье. Это подкупало. Неоднократно бывал в его квартире. Владимир Георгиевич показывал свой музей, знакомил с новинками. Молодец! У него есть чему поучиться. Кстати, музей, о котором он так мечтал, на станции все-таки появился. Плохо, что нет в нем его личных воспоминаний».

Антонина Васильевна Шелепова, начальник химлаборатории Сургутской ГРЭС-2:

«За всю мою большую жизнь в энергетике лучшего руководителя я просто не знала. Не хочу сказать, что теперешние – хуже. Нет! Они – просто другие. Но Губачев – особенный. Он был великим психологом. Великим! Никогда не позволял себе орать на рабочих. Никогда! Мог отсчитать начальника цеха, но рабочего – никогда! Это абсолютно точно.

Всех знал по имени отчеству, всегда здоровался. С мужчинами – за руку, женщинам – улыбался. Это был добрейшей души человек, который одним взглядом мог внушить уверенность в себе. Наблюдая его в разных ситуациях, я все больше убеждалась, что лучшего психолога-руководителя не встречала. Бывает, зайдешь в кабинет начальника – он грознее тучи! Лицо нахмуренное, всем видом дает понять: не до тебя! У Губачева такого никогда не бывало.

Помню, мне надо было ехать в командировку, но что-то не вязалось с документами. Прошла все инстанции, и поняла, что только директор может помочь. Зашла в приемную, сижу, жду. Слышу, голос Губачева через двойную дверь... он так ругался, так виртуозно матерился! Думаю: все, попала под горячую руку... Но когда

переступила порог кабинета, он своим обычным теплым голосом произнес: «Тонечка, здравствуй, солнышко! Заходи. У тебя какие-то проблемы?». Меня поразило, что человек может вот так, мгновенно, перестроить настроение.

Владимир Георгиевич умел слушать, вникал в проблемы людей и помогал их разрешить. Для всех находил время, для всех находил доброе слово. Поэтому в памяти энергетиков он остался солнцем, в лучах которого можно отогреть свою душу, человеком, к которому можно было прийти с любой болячкой, и он поможет её вылечить!

И мне помог. К тому времени, когда я перешла работать на ГРЭС-2, моя семья стала на одного человека больше, росла дочка, и в маленькой «хрущевке» нам было тесно. А под новые блоки сдавались дома. Так он помог мне получить новую квартиру. Причем, не в 25-ом микрорайоне, куда моя семья категорически не хотела переезжать, а в обжитом районе города. Там была длинная история, но факт остается фактом. Несмотря на страшную занятость, да еще в такое горячее время, как монтаж блоков-800, он находил время ездить со мной в горисполком, чтобы разобраться в жилищном отделе почему моя очередь на квартиру постоянно отодвигается.

Владимира Георгиевича в городе прекрасно знали. Он – «Почетный гражданин города Сургута». Когда собирали подписи, чтобы выдвинуть его на это звание, ни у кого в коллективе не возникло вопроса: «Почему именно его?». Ни у одного! Девчонкам из своего цеха я сказала: «Это тот человек, за которого можно подписаться даже перед господом Богом!».

...Когда Губачев ушел из жизни, у меня перекрыло кислород. Проститься с ним пришли многие сургутяне. Все, кто его знал. На лицах отражалось страдание, будто для каждого из присутствующих его кончина стала личным горем...

Та эпоха, в которой жил и руководил станциями Владимир Георгиевич Губачев, была эпохой самоотверженных, до одури преданных своему делу людей. Они знали экономику, знали техническую часть. Они прекрасно понимали, чего стоит каждая остановка, каждый ремонт. И какие последствия могут быть, если сделать что-то не так, как должно. Любое техническое решение

принимали с глубоким чувством ответственности, с пониманием значимости своего решения. Губачев из этой плеяды. Но, конечно, самой важной чертой характера Владимира Георгиевича было его – губачевское! – отношение к людям.

Повторюсь: из всех, кто был руководителем ГРЭС, я никого рядом не поставил. Честно! Потому что он был такой – один...»

Д.Л. Левитин, генеральный директор ОАО «Тюменская энергосбытовая компания»:

«Ушел из жизни великий труженик, потомственный рабочий, с молодых лет связавший свою судьбу с самой светлой и созидаельной профессией – с профессией энергетика. Получив высшее профильное образование в знаменитом УПИ, Владимир Георгиевич понимал тонкости профессии на Серовской ГРЭС – самой передовой в то время станции Урала. По зову сердца своего отправился покорять Сибирь и достиг вершин профессионального мастерства и общественного признания в столице нефтегазовой Югры – в Сургуте.

Думать и вспоминать о нем, значит, размышлять о доблестном и славном жизненном пути подлинного профессионала, инженера и генерала энергетики, орденоносца и патриота родного края.

Целеустремленного и грамотного инженера, талантливого руководителя и настоящего энтузиаста.

В знаковые 70-ые годы (ему было тогда 33) он приехал в Сургут, чтобы вписать свою страницу в историю большой энергетики страны. Всю силу и мощь своего ума, таланта и воли, всю широту своей души он отдал сургутским станциям, вместе с плеядой других единомышленников построил ГРЭС – крупнейшую в Европе, любовно и по-отцовски бережно вывел на проектную мощность, развивал и поддерживал ее на наивысшем уровне надежности и эффективности! Орденом Трудового Красного Знамени наградила страна своего героя, медалями и Почетными званиями отметила его беспримерный гражданский труд и профессиональный подвиг. Город Сургут чтил его как своего Почетного гражданина, сургутяне уважали его! Энергетики доверяли его опыту и высокому профессионализму в самых непростых ситуациях.

Когда думаешь о Губачеве, память невольно воскрешает образ светлого, сильного, мудрого, добропорядочного человека. Владимир Георгиевич во всем был талантлив, многим помог. Многих научил и воспитал. Уважая работников, заботился об их благополучии и профессиональном росте, щедро делился опытом с молодыми энергетиками. Выйдя на заслуженный отдых, Владимир Георгиевич сохранил самые тесные отношения с родной станцией, помогал руководству Тюменьэнерго в непростые годы реформ. Сердце и разум не в силах мириться с непоправимостью ухода из жизни настоящей легенды, принадлежащей не только веку минувшему, но и новому времени».

ИЗ ТРУДОВОЙ КНИЖКИ В.Г. ГУБАЧЕВА

Серовский участок ПРП Свердлоэнергоремонт

1. 15 июля 1955 г. – принят на работу в контору связи на должность монтера Белозерского района.

2. 25 августа 1957 г. – уволен по собственному желанию.

Строительный трест № 23

3. 7 сентября 1957 г. – комбинат подсобных предприятий. Принят в ДОЦ рабочим.

4. 11 марта 1958 г. – уволен по собственному желанию.

Уральский политехнический институт

5. 1 сентября 1958 г. – зачислен студентом энергетического факультета.

6. 1 июля 1963 г. – окончил институт.

Серовская ГРЭС

7. 16 сентября 1963 г. – принят стажером мастера по ремонту оборудования турбинного и котельного цехов.

8. 20 мая 1964 г. – назначен мастером по ремонту сосудов и трубопроводов турбинного цеха.

9. 2 января 1967 г. – уволен переводом в Свердлоэнергоремонт.

Свердлоэнергоремонт

10. 1 января 1967 г. – зачислен на ремонтный участок ПРП Серовской ГРЭС мастером по ремонту сосудов турбинного цеха.

11. 1 апреля 1967 г. – уволен переводом на Серовскую ГРЭС.

12. 1 апреля 1967 г. – принят в порядке перевода в цех ТАиИ старшим мастером Серовской ГРЭС.

13. 29 апреля 1967 г. – уволен переводом в Свердлоэнергоремонт.

14. 24 апреля 1967 г. – принят в порядке перевода заместителем начальника участка ПРП Серовской ГРЭС по котельному цеху.

15. 1 ноября 1970 г. – уволен в порядке перевода на Рефтинскую ГРЭС.

Рефтинская ГРЭС

16. 1 ноября 1970 г. – переводом принят и назначен заместителем начальника цеха централизованного ремонта на Рефтинскую ГРЭС.

17. 3 января 1972 г. – уволен в порядке перевода на Сургутскую ГРЭС.

Сургутская ГРЭС

18. 10 января 1972 г. – зачислен в порядке перевода на должность начальника цеха централизованного ремонта.

19. 1 августа 1974 г. – уволен по ст. 29 п.5 КЗОТ РСФСР – переход на выборную должность.

20. 2 августа 1974 г. – избран освобожденным секретарем партийного бюро Сургутской ГРЭС.

21. 1 февраля 1976 г. – освобожден от занимаемой должности с переводом в Сургутскую ГРЭС.

22. 1 февраля 1976 г. – принят переводом на должность заместителя директора по административно-хозяйственной и финансовой части.

23. 13 октября 1978 г. – От занимаемой должности освободить в связи с переводом на Серовскую ГРЭС.

Серовская ГРЭС

24. 16 октября 1978 г. – принят и назначен переводом на должность директора электростанции.

25. 5 января 1981 г. – освобожден в связи с переводом в Тюменьэнерго.

Тюменьэнерго

26. 8 января 1981 г. – назначен переводом директором Сургутской ГРЭС.

Сургутская ГРЭС

27. 1 ноября 1983 г. Сургутская ГРЭС переименована в Объединенную Сургутскую ГРЭС.

28. 23 октября 2001 года – советник директора Сургутской ГРЭС-1 ОАО «Тюменьэнерго».

Награды: 1975 год – знак «Ударник IX пятилетки».

1980 г. – знак «Победитель соц.соревнования 1979 г.».

1982 г. – знак «Отличник энергетики и электрификации СССР».

1985 г. – Медаль «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири».

1986 года – орден Трудового Красного Знамени.

1988 г. – медаль «Ветеран труда».
1990 г. – Знак «70 лет ГОЭЛРО».
1991 г. – Почетная грамота Минэнерго.
1993 – Почетное звание «Заслуженный работник Минтопэнерго РФ».
1997 г. – Почетное звание «Ветеран энергетики».
1997 г. – Почетное звание «Лауреат премии ХМАО» – номерная медаль № 14.
2000 г. – звание «Заслуженный энергетик РФ».
2001 г. – Академик Международной Академии реальной экономики.
2001 г. – звание «Почетный консультант Тюменьэнерго».
2001 г. – Почетная грамота ХМАО.
2002 г. – Почетный гражданин г. Сургута.
2007 г. – звание «Заслуженный энергетик ХМАО-ЮГра», знак «За заслуги перед округом».
Первый отряд энергостроителей Сургута – 40 лет (1968–2008 гг.).

Содержание

Гимн Сургутской ГРЭС-1	3
Слово о личности, олицетворяющей эпоху	4
«Путёвый» человек	10
Мгновение признания	10
Глава первая.	
ЕГО ХВАТАЛО НА ВСЕ	12
От первого шага	14
Ходили мы походами.....	17
О любви	20
Годы проверки на прочность	21
Глава вторая.	
ОН ВОШЕЛ В ЭТОТ ГОРОД, КАК ВХОДЯТ В СУДЬБУ	24
Совсем другая жизнь	25
Зарубки на полотне памяти	25
Зарубки на полотне памяти	26
Не по этапу	28
Первые успехи, первые огорчения	32
Глава третья.	
НА СЕРОВСКОМ МЕРИДИАНЕ	45
Глава четвертая.	
НЕ ПО ДОЛЖНОСТИ, А ПО ДУШЕ	50
Зарубки на полотне памяти	51
На перекрестке времени	51
ГРЭС-1, как флагман российской энергетики	54
Директор – понятие многогранное	58
Из дневниковых записей В.Г. Губачева. Памятная хроника	68
Глава пятая.	
ВРЕМЯ ИСПЫТАНИЙ	71
Самая крупная в мире	72
Экзамен на ответственность	73
Как не просто растут гиганты	77
Зарубки на полотне памяти	77
Зарубки на полотне памяти	82
Зарубки на полотне памяти	86

Глава шестая.

ПЕРЕСТРОЙКА – НЕПРЕДСКАЗУЕМОЕ ВРЕМЯ.....	88
Постижение трудных истин	89
Надо прорваться? Прорвемся!	93

Глава седьмая.

ЛИЧНОСТЬ РОССИЙСКОГО МАСШТАБА.....	98
Сиянье черт неповторимых.....	99
И еще несколько штрихов к портрету	109
Из трудовой книжки В. Г. Губачева.....	120

«ПУТЬЕВЫЙ» ЧЕЛОВЕК

Документальное повествование

Автор-составитель Е. С. Логинова

Редактор В. С. Матвеев

Компьютерная вёрстка Пятковой С. Н.

Корректор Бумагина В. П.

ISBN 978-5-7142-1584-1

Сдано в набор 05.08.2013 г. Подписано в печать 22.10.2013 г. Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Гарнитура «Таймс». Бумага ВХИ. Усл. печ. л. 7,21 + 0,47 вкл. Уч.-изд. л. 8,68. Тираж 300 экз. Заказ № 955.

Издательство ОГУП «Шадринский Дом Печати», 641870, Курганская обл., г. Шадринск, ул. Спартака, 6.

Отпечатано в ОГУП «Шадринский Дом Печати» комитета по печати и средствам массовой информации Курганской обл., 641870, г. Шадринск, ул. Спартака, 6, тел. 6-33-51.

